

Slav. Rev.

25-1650

КАМЧАДАЛКА.

Соч. И. Калашникова.

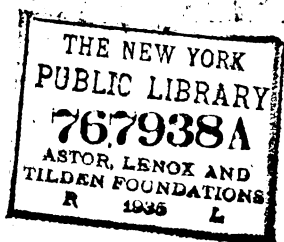
ЧАСТЬ П.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Штаба Отдельнаго
Корпуса Внутренней Стражи.

1833.

LJ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

с тем, чтобы по напечатании, представлено
было в Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
С. Пешербургъ, 9 Декабря 1852 года.

Ценсоръ П. Гасскій.

КАМЧАДАЛКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

УШ.

ЦЫГАНКА.

Рис. 21 Jan. 1935
Кто не знаетъ Авачинской губы,
сей первѣйшей гавани въ цѣломъ свѣ-
тѣ, образованной самою природою,
и могущей вмѣстить соединенные
флоты всей вселенной? Эпа гавань
сливается еще съ прѣмя меньшими:

Раковой, Тарпинской и Петропавловской, получившей сіе названіе отъ кораблей: *Петра* и *Паала*, посѣщавшихъ ее во время экспедиціи знаменитаго Беринга. Гавань Петропавловская лежитъ въ Сѣверной части Авачинской губы, отдѣляясь отъ нея съ Запада гористымъ полуостровомъ, а съ Воспока клинообразною узкою косою, по-Сибирски: *кошкою*. Частію на сей кошкѣ и частію на Сѣверномъ берегу гавани расположенъ острожекъ *Петропавловскъ*, имѣвшій въ описываемое нами время домовъ не болѣе двѣнадцати, нѣсколько балагановъ и деревянную церковь. Лучшими зданіями считались дома Начальника и Протопопа, пріѣзжавшихъ сюда на время; прочіе были, въ истинномъ значеніи сего слова,

хижины, тупъ индѣ разбросанныя. Такимъ образомъ видѣ сего бѣднаго селенія, закинушаго на край земли и отдѣленнаго пустынями и морями отъ образованнаго міра, наводилъ на сердце мыслящаго обитателя невольную скуку и грусть. Окрестности его сполнѣ же мрачны и печальны, хотя и величественны. Съ одной стороны море, съ другой ужасныя горы: *Стрѣлочная, Аватинская* и другія, или покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, или вѣчно дымищіяся. Это грозныя шапкры, зашопленные всемогущею рукою природы, и, можеть быть, разгорающіеся на день суда!

Но нужно ли объяснять, чію взглядъ нашъ на природу совершенно зависитъ отъ состоянія нашей души?

Такъ, напримѣръ, счастливому Мишману и нашей Камчадалкѣ, прогуливающимся въ одинъ ясный Декабрьскій день по пропикѣ, прощиппанной на косогорѣ, ведущемъ на кошку, казалось, что нигдѣ въ свѣтѣ не лзя найти картины прелестнѣйшей и живописнѣйшей. Въ сіе время лучи полдневнаго солнца скользили по льдиспымъ вершинамъ сопокъ и отражались въ милліонахъ алмазныхъ звѣздъ, разсыпанныхъ по бѣлому пологу снѣга, раскинутому на горахъ и долинахъ вокругъ огромнаго зеркала, образовавшагося изъ чистой и гладкой поверхности замерзшаго залива. Холодъ былъ самый умеренный (*) и болѣе пріятный, нежели

(*) Климатъ Петропавловскій нѣсколько сходенъ съ Петербургскимъ. Морозъ рѣдко превосняется тамъ выше 22 гр. по Реомюру.

ощутительный. Воздухъ чистый и проливавшій съ дыханіемъ самую усладительную свѣжесть. Прибавьте къ этому неизъяснимый восторгъ первой любви, очаровательную сладость надеждъ на будущее блаженство, близость милаго, обожаемаго предмета, и вы повѣрите, что наши любовники не могли ни желать, ни вообразить лучшаго мѣста. Разговоръ ихъ въ продолженіе прогулки перебѣгалъ съ предмета на предметъ, хотя и кружился около одного центра, и эшотъ центръ былъ—любовь. Они то перялись въ будущемъ, то возвращались въ прошедшее. Наконецъ, вспоминая съ чувствомъ вмѣстѣ и ужаснымъ и сладкимъ подробностями избавленія, Мичманъ сказалъ Маріи: »Топчасъ по пріѣздѣ нашемъ

сюда, я старался узнать о женѣ великодушнаго мапроса, и мнѣ сказывали, что она живетъ вонъ въ этой хижинѣ, подлѣ перваго балагана на кошкѣ. Не хочешь ли, Марія, займи вмѣстѣ со мной теперь къ этой женщинѣ?»

— О! я сама давно желаю видѣть ее, чтобы помочь ей, чѣмъ только въ состояніи. Впрочемъ мало и самой жизни моей, чтобы заплашишь достойно за подвигъ ея мужа: онъ подарилъ мнѣ себя!

»Скажи лучше: онъ сохранилъ мнѣ жизнь, чтобы я узналъ всю ея цѣну, узнавши тебя, мою милую, мою великодушную избавительницу!»

Въ семь сладкомъ состояніи духа Мичманъ и Марія отворили дверь въ жицину. Тупъ жила бѣднось со всѣми своими ужасами: голодомъ, холодомъ и нечистою. Двое ребя-тишекъ укрывались опъ енужи на печи, бивъ почивъ нагіе. Въ углу, подлѣ спола, у окошка, заткнушато льдиною, спояла женщина, високаго роспа, сухощавая, съ большими чер-ными глазами, со смуглымъ, мрач-нымъ лицемъ, и ворбще съ Цыган-скою физиономією. Она держала въ рукахъ *строганину* (*), и съ великою бранью бросала куски голоднымъ ре-бятамъ, хвапавшимъ ихъ съ жад-носцію собакъ. »Чшобъ вамъ око-лѣшь, негодные!—говорила она спис-

(*) *Строганина*—мерзлая рыба, которую спру-гають пожемъ и вдяпъ сырую.

вувши зубы.—И шо все сожрали, а еще просише! Гдѣ жъ мнѣ взять? Отецъ-то вашъ поѣхалъ, да мнѣ ничего не оставилъ, а шенерь спалъ чорпу бараны! Добывай сама, какъ умѣешь! Перестаньше, окаянные; не то пырну ножемъ, шакъ уймешесь, дьяволы!»

Не спыдно ли шакъ бранишь своихъ дѣшей, шетка?—сказалъ Мичманъ, вошедшій во время ея монолога въ хижину.

Цыганка обернулась къ дверямъ, и съ примѣшнымъ изумленіемъ свернула глазами на Мичмана, копорый шакже показалъ видъ величайшаго удивленія и даже испуга.

— Чшо я вижу?—вскричалъ онъ.—
Эшо шы, Марина?

»Какая, бабюшка, я Марина? — опивчалась Цыганка, мгновенно принявъ на себя видъ самаго искренняго смиренія и спараясь говорить самымъ просодушнымъ языкомъ. — Извольте спросить барышню: она знаетъ меня. Я мѣщанка Караулова, Аграфена.»

— Да, это правда — сказала Марія.

»Чего же испугалась ты? — спросилъ Мичманъ. —

— Да вишь вы, Ваше Благородіе, изволили вдругъ зайчи, а мое-то дѣло сиромское: не давно лишилась мужа; дѣти малъ-мала меньше.

»Я зналъ своего мужа. Онъ мнѣ спасъ жизнь, и я пришелъ оказать тебѣ помощь. Вотъ возьми это на

первый разъ, а потомъ, когда выйдешь эти деньги, опять приходи ко мнѣ.»

—Благодарствую башюшка, Ваше Благородіе! — воскликнула женщина, упавъ въ ноги Мичману, и рыдая съ великимъ искусствомъ. — Благодарствую, мой кормилецъ! Госнодь Царь небесный наградишь шебя, что ты меня, горькую сироту, не забылъ! И шебя не забудешь Госнодь ни въ семь вѣкъ, ни въ будущемъ!

«Ахъ, полно плакашь, Караулиха!» — сказала Марія, у которой также показались на глазахъ слезы.

—Какъ же не плакашь и не рыдашь мнѣ, Ангелочекъ ты мой, когда нашлись этиакіе добрые люди, какихъ здѣсь и слыхомъ не слыхано! Вотъ я здѣсь десятиной годочекъ вы-

живаю, извѣстно вамъ, а кто при-
зиралъ меня, горемышную, кромѣ
вашего дѣдушки?—Дай Господи ему
доброе здоровье!—А по вѣштв, и ку-
сочка, не жди ни откуда, а вѣдь бы-
вало мой-то заѣдетъ въ море, шакъ
по цѣлому году и глазъ не уви-
дишь!

»Гдѣ же онъ женился на тебѣ?«
— спросилъ Мичманъ, желая узнать
ея происхожденіе.

— Въ Иркутскѣ, мой родимый, въ
Иркутскѣ. Вишь бабюшка мой былъ
шамошній козакъ Почекунинъ. Мой-
то жила тогда еще исправно, при-
свапался, бабюшка позарился, да и
опдалъ меня за него, а онъ и сней-
ся! Пилъ пилъ, да подконецъ и на-
нялся въ компанію. Чшо дѣлать?

Принуждена была вхашь сюда вѣкъ
корошашь!

»А желала ли бы ты воротиться
въ Иркутскъ?»

— Ни шю, мой кормилецъ, какъ
бы не желать!

»Ну такъ я постараюсь объ
ащомъ.«

— Ахъ ты, родимый мой! — вскри-
чала Цыганка, онапъ кинувшись въ
ноги. — Дай тебѣ, Господи! Награди
тебя, Господи!

»Ну хорошо, хорошо! Прощай.

По выходѣ изъ хижины Мичмана и

Марія, Цыганка опяць прыняла на себя мрачный видъ; сѣла подлѣ стѣны, и подперши рукою голову, погрузилась въ глубокую думу, прерывая изрѣдка молчаніе отрывистыми восклицаніями: »Такъ, это онъ! Вотъ судьба! . . . Для него мой пьяница отдасть жизнь, для эшаго бесѣн, кошораго опецъ, кошорый самъ былъ причиною моей ссымки! . . . Такъ нѣтъ же, злая судьба! Я пойду на перекоръ шебъ; не дамъ смѣяться шебъ надо мною! . . . Ядъ и ножъ! въ еще оспались у меня! Вы еще примѣ, мой вѣрные поварици съ того ненависпнаго дня, какъ люди заспавили меня таскашья по свѣту! . . .» Цыганка, разгорячаясь болѣе и болѣе, пришла, наконецъ, въ совершенное бѣшенство. »Меня обезчести-

ли — вопіяла она съ величайшего
яростию — меня обманули, наруга-
лись надо мною, меня гнали изъ мѣ-
ста въ мѣсто, терзали, мучили, кровь
мою пили, и пшъ, злодѣй, и швой
проклятый выродокъ были веѣму
причиною !... Теперь ваша очередь
наступила; теперь пришло время
мнѣ попѣшишься надъ вами; те-
перь вы попали въ мои руки гибните
же, окаянныя!»

Дѣши Цыганки, приведенныя въ
испугъ ея бѣшенствомъ, вскочивъ съ
печи, полѣзли къ ней. »Машушка, ма-
нушка! что ныр сердишься? На коге-
лы сердишься!»

— А, дьяволы! вы хотите мене уни-
лоспивишь? Нѣшь вамъ пощады?»

Она махнула наопмочь ножеиъ, и два сына ея, облипые кровью, упали къ ея ногамъ. Съ шѣиъ вмѣстѣ выналь и ножеъ изъ ея рукъ. Она сѣла на скамью, какъ будто пришла въ себя, и, устремивъ спрашныя взоры на лежавшыя предъ нею трупы дѣтей, захохотала опчальнымъ смѣхомъ: »Ха, ха, ха! Вотъ еще штука! Такъ я зарѣзала своихъ дѣтей! Эпошы, Господиъ дьяволъ, подшунилъ надо мною! Тебѣ все хочется моей души? Возми, брашъ, ее: она швоя; но у меня еще есть на землѣ опрада! Однако жъ прибравъ трупы. Мнѣ непервые хоронилъ ихъ, и для меня все равно теперь кого ни похоронилъ! Лежите дѣши! Теперь вы будете и сыны, и шенлы, и одѣшъ чего же вамъ болѣе?

Хорошо, что у васъ такая добрая мать!» Она подняла половицу, и выкопавъ яму, положила въ нихъ оба трупа, завернувъ ихъ въ рогожу. «Не прочитать ли молитву? Вѣдь, говорили: эта глупая барыня, у кошой я жила съ дѣтства, окрестила меня . . . Ха ха ха! Все пустое!»

«Спите, трупы! Подъ землею
Сонъ спокоенъ и глубокъ!
Ни съ напастью, ни съ бѣдою
Нездалкомъ вашъ уголокъ.»

«Мать сыра земля защита
Вамъ отъ снѣга, отъ дождя;
Ею ваша грудь закрыта
Отъ сырости и отъ ножа.»

«И не встрѣшаютъ ваши очи
Взглядъ кровавый палачей,

И подъ мракомъ бурной ночи
Не подкрадется злодѣй!»

»Спите, шруды! Подъ землею.
Сонъ спокоенъ и глубокъ;
Ни съ напашью, ни съ бѣдою
Незнакомъ вашъ уголокъ!»

Пропѣвъ сію пѣсню дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ, Цыганка опустила попережнему половицу, и, поперши рукою лобъ, сказала весьма спокойно: »Ну! дѣло кончено! Упонули, да и поцько! Пустъ ищешъ, кто, хочешъ!»

Между тѣмъ Мичманъ и Марія хопя возвращались пою же пропивною, но уже не съ прежнимъ удовольствіемъ смотрѣли на окружавшую ихъ великолѣпную картину. Справ-

ное и близкое сходство Аграфены съ Мариною возобновило въ душѣ Мичмана уснувшую поску о поперянныхъ имъ родителехъ. Марія, смотря на его задумчивость, также пріуныла. Долго они шли, не прерывая молчанія; наконецъ Мичманъ спросилъ Марію: »Я думаю, жизнь этой женщины совершенно извѣсна здѣсь?»

— Извѣстно только то — отвѣчала Марія — что она прѣзжая, и что точно дочь какого-то мѣщанина, по крайней мѣрѣ, такъ сказывалъ и покойной мужъ ея. Говорятъ также, что она съ мужемъ своимъ жила весьма дурно; что она женщина весьма хитрая; что почти никогда не ходитъ въ Церковь, и слыветъ колдуньею. Мнѣ въ дѣлѣхъ такъ мно-

го наговорили объ ней, что и теперь еще, при встрѣчѣ съ нею, какъ будто раждается у меня въ душѣ какое-то темное предчувствіе

»Можно ли, Марія, вѣрить мечтамъ дѣшпва? Ты, слава Богу! не испытала бѣдности, и не знаешь ея пагубныхъ слѣдствій. Она испортила иногда самое доброе сердце. Я увѣренъ, что если постараешься — чпо я непременно и сдѣлаю — если постараешься улучшить состояніе Карауловой: то о ней заговоришь совсѣмъ другое. Та глубокая чувствительность, съ которою она приняла самое маленькое одолженіе, показываетъ, что сердце ея способно чувствовать добро, и это-то совершенно увѣрило меня,

что сходство ея съ Мариною есть только игра случая.»

— Пусть такъ будетъ, Викторъ, но все я прошу тебя: будь съ нею осторожнѣе. Моя покровительница, помню я, говорила мнѣ однажды, что точно иногда сердце предчувствуетъ будущее несчастье.

»Это правда! — сказалъ съ улыбкою Мичманъ, стараясь принять на себя веселый видъ. — Я самъ въ эту минуту имѣю самое вѣрное предчувствие . . . «

— Какое же?

»Что мы опоздаемъ къ обѣду и что имянинникъ вашъ, Антонъ Григорь-

свнчь, будетъ на насъ сердиться . . . «

— Ну, это предчувствіе еще не такъ страшно; однако жъ въ самомъ дѣлѣ поспѣшимъ, потому что Ольга Павловна, вѣрно, уже дожидается насъ.

»Ахъ, Марія! какъ мнѣ нравились эта прекрасная дама!«

— Но когда ты, Викторъ, болѣе познакомишься съ нею: то еще болѣе будешь любить ее. Это сущій Ангель!»

»И потому еще долженъ я любить ее — сказала Мичманъ, сжимая руку Маріи — что она воспишала для меня другаго Ангела.«

— Ныпъ, Викпоръ! Я только тогда могла бы называться симъ именемъ, когда бы походила на нея во всемъ. Ты бы посмотрилъ, съ какимъ участіемъ она слушала дѣдушку, когда онъ просилъ у ней согласія на нашу свадьбу! Съ какимъ вниманіемъ спрашивала она о тебѣ, и съ какою нѣжностію обняла меня и сказала:» Машинька! я не препятствую тебѣ. Дай Богъ, чпобы сердце твое тебя не обмануло! Признаюсь: твой женихъ и мнѣ понравился съ перваго взгляда. Будьте счастливы: онъ побой, а ты имъ!

»Эпо прекрасное желаніе уже исполняется — говорилъ Мичманъ. — Ахъ, Марія! есть ли на свѣтѣ чловѣкъ счастливѣе меня?»

— Еспъ, и эпо л! — сказала Марія, взглянувъ на своего любовника со всею пламенностію спраспи.

Говоря сіе, они подошли къ дому Начальника, и взопли на крыльцо.

IX.

Н а ч а л ь н и к ъ .

День именинъ Антона Григорьевича былъ самымъ памятнымъ днемъ для обитателей Камчатки: ибо именно къ этому дню должны они были заготовить порядочный запасъ всякой всячины для подарковъ дорогому

имяниннику. Подарки обыкновенно доставлялись ему изъ богатѣйшихъ острожковъ самими Тоіонами, а изъ опдаленныхъ мѣстъ или Исправниками, или присылались съ нарочными. Смѣшно было смотрѣть на почтеннаго Антона Григорьевича, когда онъ, бывъ въ душѣ величайшимъ грабительемъ, смиренно-мудренно сидѣлъ за Чепи-минеею на канунъ своихъ имянинъ, и спыдливо поглядывалъ, какъ приходившіе Купцы и Тоіоны заваливали мягкою рухлядью казенку, нарочно для сего устроенную подлѣ его кабинета. »Благодарствую, другъ мой! — говорилъ онъ каждому приносителю. — Это все лишнее. Кабы я не боялся тебя обидѣть: то ни за что бы не принималъ.« По выходѣ же приносителя,

онъ тщательнѣе осматривалъ приношеніе, и если находилъ оное недоуспачнымъ, то съ великою злобою говорилъ: »А, мошенникъ! ты еще видно не ученъ! Пожалѣлъ лыка, пакъ опдашь и ремень!« Всѣ эти приношенія были однако жъ только экстра-ординарныя; независимо отъ нихъ были еще систематическія, единожды навсегда опредѣленныя, о которыхъ мы слышали уже изъ устъ Тарей. Съ этими-то поборами прѣзжали сами Исправники, которыхъ Антонъ Григорьевичъ умѣлъ удивительно держашъ въ рукахъ: это былъ охотникъ со своєю собакою, которыхъ онъ пускалъ на добычу, и которыми позволялъ пользоваться и самимъ, накидывая въ сіе время веревку имъ на шею, дабы, при ма-

лѣйшемъ со стороны ихъ неповиновеніи, имѣшь возможность не только прибрать ихъ къ рукамъ, но и задавишь въ случаѣ нужды. Находясь, какъ съ ними, такъ и съ другими довѣренными своими людьми, наединѣ, Антонъ Григорьевичъ хопя совершенно снималъ съ себя личину святоши, какъ въ семъ случаѣ / ни къ чему не служившую; но за то надѣвалъ другую, личину какой-то законности въ самыхъ мошенническихъ дѣлахъ, и рѣзкимъ Начальническимъ тономъ требовалъ исполненія самыхъ незаконныхъ приказаній, какъ справедливаго и необходимаго, или какъ должной дани благодарности со стороны ихъ, за дозволеніе устроить свое соспояніе. Боже сохрани, если кто оказывался въ семъ случаѣ

неблагодарнымъ, по естѣ не собиралъ
всего опредѣленнаго, и осмѣливался
прѣзжать не только съ пустыми,
хотя не совсѣмъ съ полными руками.
Сей смертный грѣхъ случился, на-
канунѣ насоящихъ именинъ, съ
Исправникомъ Большерѣцкимъ, ко-
шпорому Тарей отказалъ въ оброкѣ
наопрѣзъ, представивъ нужды и
бѣдность своего оспрожка.

* Большерѣцкой Исправникъ, Коллеж-
скій Регистраторъ Сумкинъ былъ
маленькой хромой мужичекъ, самой
низкой и подлой души, почти вѣро-
вавшій въ Антона Григорьевича и
всегда гоповый перенесши отъ него
всякую брань и обиду. Объяснивъ, съ
видомъ величайшаго подобострастія
и робости, отказъ Тарей, онъ едва

не упалъ въ обморокъ, увидѣвъ вспыхнувшій на лицѣ своего повелипеля огонь гнѣва и ярости.

»Неблагодарные, мошенники! — завопилъ Анпонъ Григорьевичъ, кинувъ въ Сумкина Чешу-минеею — я за васъ умираю на дѣлѣ, чшобы вы были спокойны да счастливы, а вы? Чшо вы дѣлаете со мной? Хошите меня по міру пушпшь!»

— Проспште великодушно, Ваше Высокоблагородіе! Все будетъ исправлено!

»Подлецъ ты, мошенникъ! все будетъ исправлено! Ты эшаго не хошѣлъ для меня сдѣлашь? Я шебя за-

спавлю думань о швоей обязанно-
спи.»

— Ваше Высокоблагородіе! я бы
со всѣмъ усердіемъ, да вѣдь оспро-
жекъ Тарей дѣйствительнo самый
бѣдный

»Да, бѣдный, попому что шуть
дѣло шло о моей выгодѣ, а не о
швоей! Я слышать эшаго не хочу!»

— Что же мнѣ дѣлать, Ваше
Высокоблагородіе?

»Что дѣлать? А вошь что!»

Антонъ Григорьевичъ обернулъ
Сумкина къ дверямъ, и выполкалъ
его въ шею.

— Добро же ты, шельма Тарел! — ворчалъ Сумкинъ, выходя изъ дома Начальника. — Я теперь изъ тебя сокъ выпоплю. Я посмотрю, какъ ты не опдашь мнѣ всего, да еще и съ сошенными проценнами!

»Что такъ обезпокоились, Ан-пропъ Спиридоновичъ? — спросилъ Сумкина попавшійся къ нему на вспрѣчу Фельдшеръ.

»Ахъ. это вы, Алексѣй Панпелѣвичъ! — вскричалъ Сумкинъ, бросаясь обнимать Шангина. — Извините, любезнѣйшій, въ пошмахъ-по и не вижу! Давнымъ давно не видалъ! Какъ поживаете?»

— Слава Богу! А опкуда изволише
нупь-дорогу держашь?

»Опъ Начальника, любезнѣйшій!
Признашья сегодня провинился не
много, шакъ шобраниль, да и подза-
шылникъ еще скроиниъ изволилъ.
Да бранъ на ворошу не виснешь, и опъ
опща все сперпѣль можно, а, вѣдь,
онъ у насъ не Начальникъ, а опецъ!»

— Правда ваша, Анипропъ Спири-
доновичъ, правда, что опецъ! . . .
А за что онъ васъ побить изволилъ?

»Да за мошенника Тарсю.»

Сумкинъ рассказалъ въ чемъ дѣло.

— Эшо мнѣ извѣстно, Антропъ Спиридоновичъ! — говорилъ Шангинъ. — Тупъ вы ни сномъ, ни духомъ не виноваты.

»То-то и есть, Алексѣй Паншелъевичъ! Если Начальникъ будетъ говорить съ вами объ эпомѣ: такъ, пожалуй-спа, замолвите золотое словечко, а покамѣшъ возьмите это серебряное колечко Такъ пришлось складно сказать.»

При сей подъяческой рифмѣ, Сумкинъ всунулъ въ руку Шангина кошелекъ съ серебряными деньгами.

— Напрасно безпокоишься, Антропъ Спиридоновичъ! Я и безъ эпато исполнилъ бы ваше приказаніе . . .

Между шѣмъ, по изгнаніи Сумкина, Начальникъ мгновенно принялъ на себя спокойный видъ: ибо насполицій гнѣвъ его былъ притворный, какъ шапическая продѣлка, копорую онъ упошреблялъ съ людьми подлаго характера. Онъ поднялъ Минею, исправилъ въ ней смятые листы, и замѣшивъ закладкою житіе *Козьмы безсребренника*, съ усмѣшкою положилъ книгу на шполь. «Моя жизнь— говорилъ онъ самъ съ собою — если сказашъ правду, не слишкомъ походитъ на житіе этаго Святаго; но не всякому же бытъ безсребренникомъ! Впрочемъ и меня можно назвашъ также: серебра-шо и у меня не много, шолько соболи да лисицы, а вѣдь это не серебро! Ха, ха, ха! . . . Только какъ ни посмошрю я

на свои дѣла — продолжалъ онъ, нѣ-
сколько помолчавши — шо самъ себѣ
удивляюсь. Здѣшніе первые Русскіе
выходцы говаривали: въ Камчаткѣ де
семь лѣтъ можно прожить счастливо,
а я — каково же? — одинадца-
тый годъ обираю здѣсь праваго и
виновапаго, и живу какъ мнѣ хочещ-
ся! Вошъ что значишь подобрашь
людей! Я увѣренъ, что, на при-
мѣръ, эшошъ подлець, Сумкинъ, ще-
перь радъ съ живаго Тарей содрашь
кожу, и привесши мнѣ въ подарокъ,
лишь бы я не сердился на него
Да, власши у меня много, богатиспва,
еще болѣе; чего же еще надобно? . . .
Ахъ, эша проклятая дѣвчонка не
выходишь у меня изъ ума! Но
что я могу сдѣлать? Она
имѣеть жениха; я — жену!»

Сказабъ сіе, онъ епящъ замолчалъ,
и спалъ ходишь по комнашѣ боль-
шими шагами.

»Да! Эпо ужасно, но эпо должно
быть! А мученіе совѣспи? А
мука за гробомъ?«

Онъ медленно повелъ глазами по
спѣнѣ комнашы, и оспановился на
висящемъ на ней портретѣ Іезуит-
скаго папгера.

»Что ты мнѣ скажешь теперь
наспавникъ моего дѣтсшва? Какъ
ты разрѣшишь эту задачу—ты, ко-
торый спарался напечатлѣть на
моемъ дѣтскомъ умѣ, что ни до-
брыя дѣла не могутъ спасти насъ,
шь погубишь худыя? Опвѣчай мнѣ

шеперъ: швой опшвѣнъ мнѣ въ эту
минупу всего нужнѣе! Ты молчишь?
Такъ пусть же шягосшь моего зло-
дѣлнїя обрушнпся надъ побѣю!
Пусть же опъ шебя потребуюптъ
опшвѣпа въ моемъ пресшупленїи, если
шы обмануль меня Я рѣшил-
ся, и дѣло кончено!»

Въ эту минупу послышался шю-
рохъ за дверью. Начальникъ схвапнлъ
опяпшь Чепи-мвнѣю, и принялъ на се-
бя видъ глубокаго вниманїя.

— Здравїя желаю, Ваше Высоко-
благородїе! — сказалъ вошедшїй въ
комнату Фельдшеръ.

»А это шы, Алексѣй! Куда это

чоршъ тебѣ занесъ? Вѣдь, шупка ли
два мѣсяца цѣлыжъ слонялся?»

— Слава Богу, Ваше Высокоблагоро-
діе, что еще и живъ остался

»Что съ побой сдѣлалось?»

— Да что, Ваше Высокоблагоро-
діе! Нашъ почтенный Опецъ Пропіо-
іерей изволилъ разѣзжать, да поль-
ко бунтуешь народъ

»Какъ шакъ?»

— А вопъ изволише видѣшь! Про-
давалъ я въ *Кууюхтенъ* вашу водку

»Гдѣ же шовары?»

— А вопшь здѣсь, Ваше Высокоблагородіе! Чепыре сорочка. Извольте посмопрѣть: маспъ къ маспи!

»Хорошо, положи. Ну, такъ что же?»

— И Пропопопъ шупъ же былъ, да Зуда

»А, это старый мошенникъ!»

— Да молодой Офицеръ, да внучка Пропопопа

При семъ словѣ краска показалась на лицѣ Начальника; и онъ съ неперпѣніемъ прервалъ Фельдшера:
»Тфу, къ чорту! Что ты все это мнѣ рассказываешь?»

— Имѣйте терпѣніе, Ваше Высокоблагородіе! Я не задержу васъ. Воцѣ я продаю водку, и вижу: дѣло не ладно! Пропопонъ съ Зудою такъ и чешапъ вашу милоспъ, индо меня морозъ по кожѣ подраль

Фельдшеръ пересказаль разговоръ Пропопопа съ Зудою, переиначивъ его посвоему. Выслушавъ его, Начальникъ вскричалъ въ бѣшенствѣ:
»Они осмѣлились поносишь меня?»

— Я не солгу Ваше Высокоблагородіе!

»Дорого же будетъ имъ стоить эта браны! Продолжай!»

— Вошь они говорили, говорили, да и начали угваривать Тоіона на бунтъ: чшобы онъ не покупалъ онъ меня водки, чшобы опказался онъ плашежа оброка

»Клянусь Богомъ! — вскричалъ Начальникъ, ударивъ кулакомъ по сполу. — Они раскаются въ эшихъ поступкахъ!»

— Но это еще только цвѣшки, Ваше Высокблагородіе; ягодки еще впереди. Услышавъ ихъ возмущительныя рѣчи, Тенява, братъ Тоіона, закричалъ было, что если они не уймущся, то онъ-де донесетъ на нихъ Начальству. . . какъ они всѣ вдругъ бросающся на него, схватили его за горло, да и давай давить. Я было

приспалъ — гдѣ ты! Какъ нишь да-
ли, уходили, да и я едва ноги унесъ,
да вошь и прохворалъ въ Большо-
рѣцкѣ безъ малаго двѣ недѣли.

»Такъ и Офицеръ участвоваль въ
убійствѣ?» — спросилъ Начальникъ
съ дикою радостію.

— Всѣ, всѣ, Ваше Высокоблагоро-
діе!

Начальникъ замолчалъ. Онъ сло-
жилъ руки на грудь, и началъ хо-
дити по комнатѣ, погружившись въ
самую глубокую думу. »Не понимаю—
думалъ онъ — какой злой рокъ по-
кровительствуетъ всѣмъ моимъ на-
мѣреніямъ? Сколько доносовъ, сколь-
ко клеветы и правды было писано

на меня, и все сошло съ рукъ, какъ не лзя лучше! Самыя черныя дѣла мои обратились въ мою пользу, и самыя справедливыя жалобы мнѣ удалось опровергнушы! Теперь я замышляю самое страшное дѣло, и что же? Кто это помогаетъ мнѣ? Какой злой духъ раздѣляетъ со мной мои желанія? Я напередъ знаю, что эшошь бездѣльникъ, взводя убійство на Протопопа и Мичмана, говоритъ ложь, и что онъ, или проникнувъ своимъ лукавымъ умомъ въ расположе- ние моей души, или изъ собственнй мелочной выгоды готовъ погубишь невинно мать и отца роднаго; но пѣмъ не менѣе онъ вдругъ доставляетъ мнѣ прекрасный предлогъ къ совер- шенію моего намѣренія, когда я всего менѣе ожидалъ эшаго! Что жъ эшо

значить? Я могу шеверъ взять
тотчасъ подъ арестъ эпаго Офице-
ра, сдѣлать его чернѣе сажи, хотя
бы совѣсть его была свѣплѣе солнца,
и наконецъ совершенно погубить
его! Ужели злой духъ доста-
вляется мнѣ эпомъ случай, дабы
увлечь меня въ погибель? Но такъ и
быть: демонъ или судьба помогающъ
мнѣ, я воспользуюсь эпою помощію!»

— Послушай, Алексѣй! Ты запы-
ваешь дѣло нешумочное; имѣешь ли
ты свидѣтелей?

«Имѣю, Ваше Высокоблагородіе!»

— Кто жъ они таковы?

»Вопервыхъ: дьячекъ Шайдуровъ.»

— Ручаешься ли ты, что эшошь уродъ поддержишь твои слова?

»Такъ думаю, по крайней мѣрѣ, потому, что онъ золь на Пропопопа и Офицера. Вѣдь, вы изволили знать, что онъ хотѣлъ женишься на Пропопской внучкѣ. Онъ поже расскажетъ вамъ, какъ они поносили и позорили ваше имя»

— Хорошо! Я дамъ имъ знать себя! Я ихъ разобью

»Въ дребезги, Ваше Высокоблагородіе! — воскликнулъ вошедшій въ сіе время съ кипюю бумагъ Секретарь

Начальника, Пётръ Фёдоровичъ Погрешкинъ, не менѣе своего владыки склонный ко взяпкамъ и къ грабительству, но разыгрывавшій роль человека спорогаго и правдолюбиваго, и поощрявшій Антона Григорьевича ко всякому злу подъ видомъ искренняго злоупотребленія. — Въ дребезги! — повторилъ онъ. — Коли испребляшь зло, такъ надобно его вырывать съ корнемъ!»

— Правда твоя, Пётръ Фёдоровичъ! Но что это у тебя подъ мышкою? —

»Почта.«

— Давай скорѣе.

Начальникъ схватилъ съ неперпѣ-
віемъ пакеты, и, опобравъ предпи-
санія Губернапорскія, проворно рас-
печатывалъ ихъ и бѣгло прочиты-
валъ. Въ это время Фельдшеръ на
цыпочкахъ вышелъ изъ комнашы, а
Петръ Федоровичъ, также любившій
выдавать себя за человека просвѣщен-
наго, занялся разборкою журналовъ,
копорохъ было получено вдругъ нѣс-
колько книжекъ, съ Ноября по Апрель:
ибо почта пришла зацѣлые полгода^(*).
Петръ Федоровичъ, прочитывая за-
главія и раскладывая журналы по
кучкамъ, дѣлалъ свои замѣчанія:

»*Что нибудь!* Ба! только два номе-
ра. Вошь извольте плашите деньги по

(*) И нынѣ почта въ Камчатку приходитъ толь-
ко два раза въ годъ.

пуспякамъ, и ждашь цѣлые полгода,
чнюбы, наконецъ, узнашь, что Г. Из-
дапель вздумалъ повеселился на
счетъ добродушныхъ подписчиковъ.
Что спанешь дѣлать съ мошенника-
ми? *Вечерняя заря*
Вопшь это журналъ хопъ куда! И из-
дается исправно, и еспь очень хоро-
щія спашейки! *О познаніи Бога,*
самаго себя и своихъ должностей. . . .
Прекрасно! Аншонъ Григорьевичъ,
вопшь спашей-ка!»

— Хорошо, хорошо, Петръ Федо-
ровичъ! Разбери поскорѣе, да ошошли
къ женѣ: эшо по ея часпи.

»Поколющійся трудолюбець
Растущій виноградъ Иртышь,
превращающійся въ Ипокрену

А вотъ и книжечка вашего племянника: *Зерцало древней учености.....*

— Сколько экземпляровъ?

»Кажется, экземпляровъ, пятьдесятъ будетъ«

— Такъ разошлите, Пешръ Федоровичъ, поскорѣе при письмахъ къ Исправникамъ, чшобы роздали Камчадаламъ и поскорѣе прислали деньги. Эта книга для нихъ будетъ очень полезна!

»Ваша правда!« — отвѣчалъ Секретарь безъ малѣйшей усмѣшки.

Послѣ сего Начальникъ: опять снхалъ пересматривать бумаги и вдругъ вскричалъ: »Еще доносъ!«

— Доносъ? — подхватилъ Пепръ Федоровичъ, опшполкнувъ въ спорону книги и журналы. — Вопъ что значить бышь великодушнымъ! Я давно говорилъ вамъ: съ бездѣльниками церемониться нечего! Въ дребезги да и полно! Кто жъ это осмѣлился васъ чернишь?

»Пріятель мой Опець Пропоіе-рей Это за то, что я восписалъ его ввучку! Вопъ неблагодарныек!»

— Что же написалъ онъ?

»Слушай!

Злоупотребленія превзошли здѣсь всю мѣру; нѣтъ правосудія въ судахъ; торговля въ рукахъ Начальника; жители раззорены, и вопль ихъ

»А, Попы! такъ и шы вздумалъ клеветашь на меня!«

— Дерзость, непомерная дерзость!
— воскликнулъ Пётръ Федоровичъ.—
Ложь и клевета невообразимыя!

— Ну, пусть же онъ лжеть: онъ шеперь въ моихъ рукахъ! Сей часъ только Алексѣй разсказалъ мнѣ ужасное дѣло.

Объяснивъ доносъ Фельдшера, Начальникъ прибавилъ въ заключеніе:
»Пётръ Федоровичъ! потрудишесь приговорить къ завтраму предписаніе на имя Большерѣцкаго Исправника, чтобы онъ произвелъ объ этомъ слѣдствіе самымъ строжайшимъ и, разумеется, самымъ безпристраст-

нѣйшимъ образомъ. Я думаю и васъ также прикомандировать къ этому. Ваше безпристрастіе мнѣ совершенно извѣстно»

— Благодарю, Ваше Высокоблагородіе, за доброе мнѣніе. При такомъ Начальникѣ, какъ вы, не бышь безпристрастнымъ

«И также, пожалуй-спа, приготовьте хорошій отвѣтъ Губернатору. Еще я желалъ бы имѣть свѣдѣніе о состояніи вообще здѣшняго Духовенства. Кажется, не худо бы послать на видъ»

— Да ужъ когда бышь—сказалъ съ жаромъ Пепръ Федоровичъ, — такъ надобно добывать: полу-мѣры ни ку-

да не годятся! Я эщо вамъ давно пвержу.

«Что дѣлашь, Пётръ Федоровичъ? Великодушіе меня губишь!»

— Да, и добродѣшель неумѣспная вредна!

«Ну, такъ и бышь, что сдѣлано, шо сдѣлано! Пошеряннаго не воро- тишь! По крайней мѣрѣ теперь по- спараемся поправить ошибку. Зай- мищесь же, пожалуй-ста, бумагами.»

Надобно сказаць правду, что Пётръ Федоровичъ былъ человекъ весьма неглупый, искусный въ пи- сани бумагъ и величайшій мастеръ дѣлашь изъ чернаго бѣлое. По-унпру

чѣмъ свѣпъ, оцъ уже былъ въ кабинетѣ Начальника.

«Вопиъ Вашему Высокоблагородію подарокъ въ день именинъ. Извините: чѣмъ богашъ, пѣмъ и радъ!»

— Спасибо, Пешръ Федоровичъ! Эпощъ подарокъ мнѣ всего нужнѣе. Ну, чпшай же, чпо написалъ!

Секретарь началъ съ ошвѣша Губернашору.

«Съ самага вступленія моего въ управление Камчаткою я прилагалъ неусыпныя попеченія, обзорѣвъ всѣ части, вннѣнушь въ состояніе оныхъ, и привеспи ихъ въ лучшее положеніе, сколько позволяли зависящія ошъ меня среденва. Съ ужасъ

сомъ увидѣлъ я повсемѣстный безпорядокъ, злоупотребленія, разстройство, развратъ и всеобщее расплывчато-нїе въ нравахъ . . .»

— Прекрасно! Продолжайте!

»Рѣшившись, съ самымъ пламеннымъ усердіемъ къ пользѣ службы; дѣйствовать къ искорененію сего зла; я встрѣпилъ величайшїя и неожиданныя препятствїя. Чиновники; Духовные и граждане, бывъ большею частїю изъ числа сосланныхъ, и слѣдовательно нося въ себѣ сѣмена всякаго зла, сославили между собою *коллонта*, дабы протривившись принимаемымъ мною мѣрамъ, и сговорились всячески чернить меня предъ лицомъ высшаго Начальства»

*

— Превосходно, неподобно! Сущая
лестинна!

Секретарь, наконецъ, дочиталъ бумагу, въ которой, по опроверженіи Протопопскаго доноса, на самаго его взыдалась самая нелыная клевета: что онъ не стараетсяъ вовсе о распротраненіи Христіанской вѣры между инородцами; что, вапрошивъ, присутствіемъ своимъ при ихъ суевѣрныхъ обрядахъ, какъ то на свадьбахъ, похоронахъ и ш. п., самъ поощряетъ ихъ къ продолженію идопоклонства и разврата; что слабое правленіе его духовенствомъ подало поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ и порокамъ; что онъ возстановляетъ и возмущаетъ народъ противъ Начальства; что онъ замѣ-

шанъ по дѣлу объ убійствѣ Камчадала
Тенявы: о чемъ-де производится уже
слѣдствіе, и проч. и проч. Словомъ
сказать: не было преступленія, ко-
шораго мастерская рука правдолюби-
ваго Секрешаря не взвела бы на эпа-
го добродѣтельнѣйшаго Хриспіани-
на, каковъ былъ Пропопъ Вере-
щегинъ, и всѣ эти клеветы, бывъ
изложены складно и дѣльно въ фор-
мѣ официальной бумаги, приняли
видъ величайшей вѣроятности..

Начальникъ былъ въ восхищеніи и
подписавъ бумагу, разцѣловалъ Петра
Федоровича.

»Вопть, эщо-по—говорилъ онъ съ
чувствомъ величайшаго удовольствія
— значить поднести красненькое

личко! Удружилъ, Пейръ Федоровичъ, удружилъ! Ну, покажите же мнѣ прочія бумаги.»

— Вотъ предписаніе Исправнику....

Предписаніе на мое имя.....

Предписаніе на имя Нижне-Камчатскаго узднаго суда, дабы онъ для сужденія дѣла о бунтѣ прибылъ сюда. Вѣдь, я чай, вы по болѣзни вашей ноги, не можете скоро туда отправиться, а это дѣло такого рода, что пребуешь ближайшаго надзора

«Это правда! Ты вздумалъ очень дѣльно!»

— Предписаніе Исправникамъ на счетъ поведенія Духовныхъ

«А, хорошо! Спасибо, что не забылъ! Эта бумага весьма нужна!»

— Предписаніе Городничимъ, что бы они старались воими мѣрами узнавать: не зашѣвается ли гдѣ комплопа прошивъ Начальства; и потомъ старались немедленно схватывать бумаги, и самихъ таковыхъ злоумышленниковъ брать подъ спражу!

«Прекрасно! Это давно надлежало сдѣлать! Этого требуется спокойствіе цѣлой здѣшней спрань!»

— Наконецъ предписаніе о взлпнхъ подъ спражу Мичмана и Пропопопа

»Нѣтъ, ащо еще рано! Съ Протопопомъ, по его званію, надобно поспунать оспорожнѣе, а къ Мичману, во вчерашней связкѣ, я нашель письмо изъ Иркутска. Прежде я хочу узнать, ошъ кого оно, дабы судить о его связяхъ. Эшого пребуемъ благоразуміемъ.

— Ваша правдѣ, Антонъ Григорьевичъ! Въ дѣлахъ человѣческихъ не довольно бытъ полько невиннымъ, но необходимо нужна, сверхъ того, крайняя оспорожность.

»Такъ я и думаю: если откроется, что сязи его въ Иркутскѣ значительны; по, до окончанія слѣдствія,

было бы не справедливо стѣснять его, а тамъ онъ рукъ правосудія онъ скрыться не можетъ.»

Симъ окончился разговоръ.

Секретарь вышелъ, а Начальникъ, отворивъ немного дверь въ залъ, гдѣ собрались уже для поздравленія съѣхавшіеся чиновники, купцы, Тоюмы и почетнѣйшіе жители оспрожка, позвалъ къ себѣ Сумкина, и отдавая ему предписаніе сказалъ строгимъ голосомъ:

»Вопрь, Сумкинъ, тебѣ предписаніе о производствѣ слѣдствія, по донесенію Алексѣя. Я увѣренъ, что донесеніе его совершенно справедливо, и я напередъ тебѣ скажу, что если осмѣлишь-

ся ты представишь это дѣло въ дру-
голь ложноль видль, по не усидишь
на мѣстѣ ни одного часа. Понимасшь
ли меня?»

— Понимаю, Ваше Высокоблагоро-
діе!

«Я отъ себя пребую совершеннаго
безпристрастія, безкорыстія и исти-
ны. Помни же это, да покамѣсть не
пріѣдешь на мѣсто, по, Боже себя
еохрани!» сказашь кому бы по бы ни-
было объ этомъ порученіи! Ни женѣ,
ни дѣтямъ! Слышишь ли?»

— Слушаю Ваше Высокоблагородіе!

По выходѣ Сумкина Начальникъ,
начиналъ пригонюваться къ обѣднѣ,

думалъ между тѣмъ: »Кажется, все мною обдуманно хорошо! Сумкну и выразилъ свои мысли довольно ясно; онъ не осмѣлился написать другаго. Къ тому же эпосъ плушъ, играющій роль правдухи, мой почтенный Секретарь Погремушкинъ, посоветуетъ это дѣло представить по моему желанію, зная мои отношенія съ Пропепепомъ И такъ его брань и доносъ, и наговоры, отпояхоясь ему со спорницею! А что касается до Мичмана, то онъ изъ рукъ моихъ не уйдетъ, хотя я и не возьму его шеперь подъ стражу. Средствъ много отъ него отдѣлаюсь, и свадьбы своей не выдашь ему, какъ своихъ ушей! Словомъ: покуда все идетъ, какъ не лезя лучше; но конецъ вѣнчанья дѣла — сказалъ онъ вслухъ.

— Точно такъ, Ваше Высочество — подхватилъ, вышедшій въ сію минушу дьячекъ. — *Finis bonis coronat opus!*

«Что ты скажешь, Степанычъ»

— Впервыхъ: честь имѣю поздравить васъ съ Ангеломъ, и пожелаю вамъ лѣта Маусайловы, а во вторыхъ доложу, что Отецъ Протоіерей уже располагается начать обѣдню, дожидая Ваше Высочество ровно два часа бышыхъ

«Хорошо! Хорошо! Извини: меня предъ Ошцемъ Протоіереемъ, и скажи, что сей часъ иду.»

Послѣ сего, выйдя въ пріемную

комнату, Начальникъ раскланялся съ ожидавшею его давнымъ-давно подобострашною толпою, и вмѣстѣ съ нею отправился туда, гдѣ душа кающагося грѣшника можетъ обрѣсти Небо, а нераскаяннаго вѣчное наказаніе; однако жъ Антонъ Григорьевичъ, надѣвъ опять на себя роль смиренномудреннаго Христіанина, столь хорошо разыгрывалъ ее, что безпрестанно утиралъ слезы, и проплакалъ осьмь умиленія почти всю обѣдню.

Х.

Обѣдъ.

По окончаніи обѣдни, Начальникъ, не показавъ ни малѣйшаго вида неудовольствія, пригласилъ Проповѣда къ себѣ на обѣдъ; за которымъ посадилъ его по правую сторону; по лѣвую сѣдѣла его супруга; далѣе Ма-

рія и Мичманъ; въ концѣ же стола
засѣдали Дьячекъ и Фельдшеръ, при-
глащенные къ обѣду по извѣстной
пословицѣ: *на безрыбье и ракъ рыба*.
Сверхъ сихъ лицъ, были еще нѣсколь-
ко чиновниковъ съ женами; но мы
не имѣемъ надобности именовать
ихъ, замѣтивъ только одно обстоя-
тельство, что Земскіе отличались
особенною свободою и самоувѣренно-
стію въ превосходствѣ предъ своими
собратіями. Обѣдъ шель весьма ши-
хо и чинно. Любимый разговоръ Ан-
тона Григорьевича, когда онъ нахо-
дился въ собраніи, былъ о суешѣ мі-
ра, о трудномъ пути креста, о са-
моопроверженіи и презрѣніи вѣхъ
благъ житейскихъ, и проч. и проч.
Сверхъ того за столомъ у него все-
гда была читана библія, и на сей

разъ сіе чтеніе было поручено дьячку, которьѣ самымъ выразительнымъ и нѣскольکو гнусовавшимъ голосомъ, съ необходимымъ для него прибавленіемъ глушѣйшихъ жестовъ, провозгласилъ:

Книга Іисуса сына Сирахова.

Чадо! живота нищаго не лишь, и не отверщай очей отъ просящаго; души алуція не оскорби, и не разтѣвай мужа въ нищеть его. . . .

— Вошь истинная мудрость! — говорилъ Антонъ Григорьевичъ, обращаясь къ Прощопу. — Вошь чему мы должны бы слѣдовать!

Прощопъ наклонилъ голову въ

знакъ согласія, но не сказалъ ни слова, а дьячекъ продолжалъ:

«Не уповай на ильнїе твое, и рцы: довольно ми суть . . . Не рцы: кто мя преможетъ; Господь бо мстѣй отмститъ ти . . .»

При семъ словѣ Начальникъ принималъ мрачную мину, и, прервавъ чпене, сказалъ дьячку: «Ну-ка, Степанычъ, прочитай что нибудь изъ книги *Іова*. Я особенно люблю эту книгу— говорилъ онъ обращаясь къ Пропопу. — Тупъ есть сколько сходнаго съ моимъ положеніемъ!»

Дьячекъ развернулъ сію книгу, и продолжалъ чпене съ величайшею моношониєю; госпи всѣ молчали, и

объдъ походилъ болѣе на покорный, нежели на имянный. Самъ имянникъ показывалъ видъ глубочайшаго вниманія къ чпенію, и полько знающему соспояніе его души можно было бы примѣтить нѣ бѣгле, но поѣдающіе взгляды, которые онъ бросалъ на Марію. Въ одинъ изъ сихъ моменповъ, дьячекъ, исключительно мѣпившій на Мичмана, съ болышею пропивъ обыкновеннаго энергіею возгласилъ: *»Завѣтъ положихъ сила моила, да не помышлю на дѣвшу . . .«* Самое мгновенное содрганіе пробѣжало по лицу сласполюбиваго лицемѣра, и хотя никто не могъ примѣтить сего, кромѣ собственной его совѣсти; но онъ, тревожась ложнымъ опасеніемъ виновнаго, счелъ необходимымъ придашь

этому движению другую причину.
»Ахъ, Боже мой! — говорилъ онъ —
я и забылъ опдаться вамъ, Викшоръ
Ивановичъ!... Къ вамъ есть письмо . . .
Вопъ оно! Прочитайше, пожалуй-ста,
шеперь, и если нѣтъ никакого секре-
та, то расскажите намъ: кто и что
къ вамъ пишеть. Намъ здѣсь всякая
бездѣльная новость драгоцѣнна!»

— Это опъ правителя канцелл-
рія Намѣстника — сказалъ Мичманъ,
взглянувъ на подпись письма. — Онъ
старинный другъ моего благодѣтеля,
который меня воспиталъ.

Легкое смущеніе показалось на ли-
цѣ Начальника, и каждый изъ чинов-
никовъ сдѣлалъ примѣтную гримасу,
невольно выразившую сію мысль:

»Э! Э! Такъ вопъ какія связи! Мичманъ, дочитывая про себя письмо, вдругъ измѣнился въ лицѣ, и задыхаясь опъ слезъ, едва могъ произнести: »Я лишился его!«

— Чпо такее? Кого ты лишился? — вскричала Марія.

»Онъ умеръ! Онъ, который былъ моимъ впорымъ опцемъ!... Его уже нѣтъ! Ахъ, Боже мой!«

— Чпо же дѣлашь, Викпоръ Ивановичъ? — говорилъ Начальникъ, взявъ письмо съ видомъ величайшаго соболѣзнованія, но въ самомъ дѣлѣ единственно изъ любопытства, дабы лучше судить объ отношеніи Мичмана къ Правителю Канцеляріи. —

Что дѣлать? Такова участь всѣхъ смертныхъ!»

— Это правда, что такова! — подхватилъ Пропопъ, испинно пронувшій положеніемъ Мичмана. — *Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ. Время, рождати и время умираати; время садити и время исторгати сажденное*

»Одного опасуюсь я — сказалъ по нѣкоторомъ промѣжупкѣ Начальникъ Пропопу въ полголоса, но такъ, чтобы слышно было и Мичману — опасуюсь, чтобы это неприятное извѣстіе не помѣшало вашей свадьбѣ; но впрочемъ, что же такое? Вѣдь, не отецъ родной!»

— Но онъ былъ мнѣ — подхватилъ Мичманъ — дороже роднаго отца! Отецъ спалъ бы заботишься обо мнѣ частію по своей обязанности, а онъ единственно по добротѣ сердца прирѣлъ меня, сироту, воспитывалъ

»А гдѣ же были родители ваши?» — спросила жена Начальника.

— Я лишился ихъ еще въ младенчествѣ — отвѣчалъ Мичманъ, не хотѣвшій объяснять при семъ подробности своей исторіи, — и эпопѣ челоуѣкъ заступилъ мнѣ ихъ мѣсто!

»Коли такъ — сказалъ Начальникъ съ видомъ Наставителя, — то, конечно, вы сдѣлаете доброе дѣло,

почтивъ его память. Ваше счастье
впереди, и опъ васъ не уидеть; но
на вашемъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ,
повременить съ полгода «

— Боже мой! съ полгода! Поперя его
для меня невознаградима, и сколько
я ни люблю Марію, но ччтобы заме-
чить эту рану, надобно много вре-
мени!

Эта рѣшимость Мичмана могла бы,
можетъ быть, опечалить всякую
невѣсту, но не Марію, копорой Ан-
гельская душа въ сію минузу была
занята единственнo горестію своего
любовника, безъ всякаго вниманія къ
собственному положенію. Она, смо-
тря на него, также не могла удер-
жаться опъ слезъ, и горько плакала.

— Какъ они любяшъ другъ друга!— сказала Начальникъ Пропопу, почувствовавъ злое удовольствіе и адскую надежду при словахъ Мичмана, и потому давъ волю своему языку изъ понятнаго однимъ злодѣемъ удовольствіа: насмѣхаться надъ несчастными.—Какъ они любяшъ другъ друга! И какое вы прекрасное дѣло сдѣлали, что сговорили ихъ! Они достойны одинъ другаго, и я всегда смотрю на нихъ съ восхищеніемъ!

»Да, они точно стояшъ одинъ другаго!—подхватила Начальница. — И какъ грустно смотрѣшь на слезы существъ, столь счастливыхъ за минушу! Надобно же было случиться этому несчастію!»

Между шѣмъ, вслушиваясь и всматриваясь во все происходившее, дьячекъ мѣлъ опть удовольствія: ибо лучъ благой надежды также блеснулъ въ высокой душѣ его. »Можешь быть — думалъ онъ — опсроченная свадьба и вовсе не сошпмшя, и я еще успѣю переработать это дѣло; склонить на свою сторону и слѣпую любовь и въпренную фортуна!»

»Не унывай! — прибавилъ онъ въ полголоса, не могли скрыть сильного преобладанія сей мысли. — Не унывай, душа великомощная! Macte rege! Смѣло шествуй!»

— Куда это, Климъ Степанычъ —

спросилъ съ усмѣшкою Фельдшеръ —
куда это вы изволише отпра-
вашу душу?

»Какую душу? Ни куда не отпра-
вляю! — опивчалъ опомнившійся и
закраснѣвшійся дьячекъ. — Я такъ
думалъ кое что про себя«

— Что же ты думалъ, Климъ
Степанычъ?

»А вотъ что, Алексѣй Паншелъ-
евичъ! Хотя я тогда въ попыхахъ,
какъ мы были на Лопаткѣ, и далъ
тебѣ слово, помнишь на берегу моря;
но теперь я вижу: дѣло принимаетъ
другой видъ, и мнѣ просіяваетъ но-
вый лучъ живошворной надежды«

— То есть ты хочешь теперь на попятный дворъ?

»Нѣтъ, не то! — отвѣчалъ дьячекъ. — Я хочу только оплощить это дѣло, и прежде попробовавъ поговорить съ Марьей Алексѣвной: авось либо! Мнѣ кажется — присовокупилъ онъ съ усмѣшкою самоувѣренности, родившейся особенно въ продолженіе объѣда отъ частаго прикосновенія къ рюмкѣ съ эрофеичемъ — мнѣ кажется, и мы не хуже другихъ! Какъ ты думаешь, Алексѣй Пантелѣвичъ?»

— Попробуй, Климъ Степанычъ — говорилъ Фелдшеръ съ плутовскою улыбкою, бывъ напередъ увѣренъ въ его неудачѣ — попробуй! Поньинка не шулка, спрось не бѣда! Бояться медвѣдя, такъ и съ лѣсь не ходишь!

»То-шо и еспь, Алексѣй Панше-
лѣвичь!«

— Ну, а если — спросилъ Фельд-
шеръ — Марья Алексѣевна все таки
не полюбишь васъ: такъ тогда что?

»Тогда я уже прибѣгну къ твоей
помощи, и въ награду за нее готовъ
буду все подтвердишь, что ни взду-
маешься тебѣ сказать; только и ты
сдержи свое слово: когда засадишь
въ пюръму эпаго беснїю Мичмана
и Пропопопа, то чтобъ внучка его
непремѣнно была выдана за меня!
Такъ ли?«

— Разумѣется, что такъ, и вопъ
тебѣ доказательство!

Онъ поднялъ рюмку, чокнулся ею

объ рюмку дьячка, и выпилъ сразу.

— Ахъ, брагъ Алексѣй! — сказалъ Начальникъ — ты все эрофеичь-шо попягиваешь! Вѣдь я и забылъ послать тебѣ твою порцію!

Сказавъ сіе, онъ налилъ порядочный бокалъ наливки, и послалъ къ Фельдшеру, которъй, вскочивъ на ноги, и поднявъ бокалъ кверху, провозгласилъ изо всей мочи: »Здравіе и долгоденствіе Вашему Высокоблагородію! Ура!»

Всѣ Земскіе чиновники и Секретарь Начальника, любившій хвастаться своимъ басомъ, подхватили ура Фельдшера, и симъ заключилъ обѣдъ.

ХІ.

УРОКЪ ВЪ ИСТОРИИ.

Роковое извѣстіе, полученное Мичманомъ въ день именинъ Начальника, опдалило его свадьбу на цѣлый годъ. Это было причиною, что жизнь Марин, исключая исторіи сердца, опять пошла по прежнему; опять

начала она, по совѣту своего дѣда, занимаешься ученіемъ, и великой наставникъ ея, дьячекъ Климъ Степановичъ, снова вступилъ въ права свои. Дня, въ который было назначено начать продолженіе уроковъ, онъ ожидалъ съ такимъ же нешерпѣніемъ, какъ скряга плашежа по векселю, наследникъ смерти своего богатаго родственника, или судья просителъ съ обѣщанною взяпкою. Наконецъ день сей насталъ. Дьячекъ, вычисливъ тщательнo, вопреки своему обыкновенію, свой сѣрой, длиннополой серпукъ и примазавъ кваскомъ пучекъ, пошелъ подобно Аристоцелею въ извѣстной сказкѣ: *пристыженный мудрецъ*, еще спрамился

Пошелъ въ любви своей Тамирь онъ открылся.

Въ нѣсколько уроковъ, данныхъ до поѣздки на Лопатку и оспирова, дѣлчекъ прочиталъ только вступленіе въ Испорію, распложая оное глупыми и надушными фразами, въ которыхъ и заключалась вся его мудрость и ученость. Такимъ образомъ въ предстоящій урокъ ему надлежало начать самую Испорію. Положивъ предъ собою огромную книгу въ черномъ кожанномъ переплетѣ, и пригладивъ рукою волосы, онъ, наконецъ, отверзъ свои краснорѣчивыя уста. »Эта книга, сударыня, есть Испорія церковная, гражданская и ученая, повѣствующая о началѣ, возвышеніи и упадкѣ Монархій и Царствъ; о царствованіяхъ, дѣяніяхъ и лѣпахъ жизни Царей и Императоровъ; дѣяніяхъ Епископовъ в

Папъ Римскихъ, Опцевъ и учишелей
церковныхъ»

— Напрасно вы прудитесь, прочи-
пывая эпо—прервала Марія; — вѣдь
вы мнѣ уже говорили, что прине-
сете всеобщую Испорію

»Точно шакъ-съ! — сказалъ нѣсколь-
ко смущившійся дьячекъ, которій,
прочипывая заглавіе книги, выигры-
валъ нѣмолько время, дабы обратясь
съ силами для начатія своего объ-
сненія. — Точно шакъ-съ! Но преж-
де, нежели я присуплю къ препода-
ванію сей книги, я долженъ, если вы
не оскорбитесь моимъ опкровеннымъ
объясненіемъ»

— Помилуйше! Кшожь можешъ

оскорбляться опкровенностию, и особенно въ такомъ дѣлѣ! — отвѣчала Марія, не подозрѣвая настоящаго намѣренія со стороны своего наставника, и относя его къ настоящему занятію.

Эти слова, принятыя дѣлчкомъ въ выгодномъ для него смыслѣ, придали ему особенную бодрость, и онъ, собравъ весь запасъ затверженныхъ фразъ, рѣшился, наконецъ, высказать свою любовь безъ малѣйшей оспаривки.

«И такъ — сказалъ онъ внѣ себя отъ восторга — если вамъ опкровенность моя не можетъ быть прощивна: то я осмѣливаюсь съ позволенія вашего сказать, что»

Но въ эпу минушу взошелъ Пропопъ, и дьячекъ, остановленный на самомъ важномъ пунктѣ, совершенно расперялся и оспался въ положеніи пораженнаго параличемъ, ничего не видя и не слыша.

— Продолжай, Степанычъ! — сказалъ Пропопъ. — Я ноже послушаю. Ну, что осмѣливался ты съ позволенія сказать?

»Богъ сошворилъ міръ« — продолжалъ разстроенный наставникъ, заикаясь и кашляя.

— Чпо ты, Господь съ побою! — сказалъ Пропопъ. — Ужъ съ позволенія сказать: Богъ сошворилъ міръ! Какое шущь дозволеніе?

При семъ ученица не могла удержаться отъ смѣха, и дабы не обидѣть учителя, захвативъ плашкомъ ропъ, вышла проворно въ другую комнату, а вслѣдъ за ней и новый *пристыженный мудрецъ*, схвативъ шапку, выбѣжалъ опрощенно изъ класса, и почти по инстинкту прибѣжалъ прямо въ квартиру Фельдшера.

— Что, любезнѣйшій Климъ Степанычъ, такъ разспроенъ? Знать не пало удачи?—спросилъ сей послѣдній.

»Охъ, изверги, разбойники! Осрамили, убили, зарѣзали!«

— Да что же они сдѣлали съ побою?

»Охъ, дай опдохнуть!»

— Разругали что ли?

»Хуже! Лучше бы разругали!»

— Ужели побили!

»Хуже!»

— Такъ что же такое? Я не могу догадаться!

»Надъ лекціею насмѣялись!—произнесъ дѣлечекъ съ самымъ опчаяннымъ воплемъ.

— А, вотъ что! Это въ самомъ дѣлѣ обидно и преобидно! Ну, такъ шеперь останавливаться ужъ не за чѣмъ? Присылай же вчерашнюю бу-

магу; мы поспавимъ на своемъ. Давай руку!

»Вопшь тебѣ моя и рука и голова. Зарѣзывай ихъ всѣхъ безъ пощады, губи, рѣжь, жги, дѣлай съ ними что только можешь! Я столько огорченъ, обиженъ, озлобленъ, что не имѣю словъ, чтобъ выразить мои чувства, и могу сказать съ Цезарономъ: id verbis exequi non possum!«

—Хорошо, хорошо, Климъ Степанычъ! Успокойся! Мы исправимъ это дѣло, какъ не лѣзя лучше, и скорѣе пошечеть кверху *Паратуника*, чѣмъ ктонибудь, кромѣ себя, женился на внучкѣ Протопопа!

»О! если ты устроишь это, то я,

клянусь тебѣ, напишу въ честь твою такой панегирикъ, какого не читали ни древніе, ни новѣйшіе, и какого не удалось написать и самому Плинію. Онъ передастъ имя твое позднѣйшимъ потомкамъ, и слава о тебѣ»

— Покорно благодарю, Климъ Степановичъ! Слишкомъ много шурдишься предпринимаешь

»Но я долженъ сказать тебѣ одно условіе, о которомъ я и прежде тебѣ говорилъ: и этаго мошенника Зуду непременно должно включить въ общую категорію. Онъ осмѣлился насмѣхаться не только лично надо мною, но и надъ эпитимъ священнымъ языкомъ, на которомъ гово-

риль Цицеронъ, Виргилій, Горацій, и проповѣдывалъ Великій Сенека!»

— Ладно, ладно, Климъ Степанычъ! Спуску никому не дадимъ: будешь всѣмъ сеспрамъ по сергамъ, а пока мѣсьшь разопьемъ-ка, въ знакъ нашей вѣковѣчной дружбы, вопъ эпошь шпофикъ всероссійскаго, такъ дѣло пойдетъ еще лучше, да и на сердце будешь повеселѣе!

»И шо дѣло, Алексій Панпельевичъ! — говорилъ дьячекъ, принимаясь за спаканъ.— Я не прочь опъ эпошто! И правду скажешь: что прежде времени опчаявашься? Мудрець смоприпъ на конецъ — древняя половица! Ахъ, я люблю древнихъ! Вопъ

были испянные мудрецы! На примѣръ: Діогенъ . . . (какъ ты думаешь?) . . . даже деревянную чашку считалъ роскошью, и пилъ горстью, и приномъ одну воду! Вошь верхъ мудрости!»

— Ну, воду-то можно пить и горстью — замѣшилъ Фельдшеръ, — а вошь какъ, напримѣръ, водку, шакъ, право, лучше изъ спаканчика. Опараживайте-ка поскорѣе, Климъ Степанычъ, да и я хлебну за ваше здорье!

Такимъ образомъ дьячекъ, подобно весьма многимъ правоучителямъ, прославляя мудрость, пившую горстью одну воду, запивалъ проповѣдь свою полными спаканами вина, и едва

могъ доплеспись зикзаками до своей кварпиры, между тѣмъ, какъ самому ему казалось, что ноги его не дотыкаются до земли, и что онъ лепишъ весьма быстро по воздуху. Состояніе его духа было самое забавное: безмысленная веселость и глупое равнодушіе ко всему житейскому и къ самой жизни наполняли совершенно его душу. »А чортъ ихъ возьми совсѣмъ! — говорилъ онъ, повалившись на посиделю. — Есть о чемъ думать! И Зуда, и Прошопопъ, и чертны, и дьяволы — провалились они, окаленные! Удастся, такъ ладно, а и не удастся, такъ все равно! Мы не думаемъ ни о чемъ! Пусть эпортъ, мошенникъ, Фельдшеръ, работаешъ, а я и думать не хочу, и не думаю, и

думать не стану! Inter quercum
et betulam . . .

Дьячекъ запѣлъ во все горло на
Лапинскомъ языкѣ извѣстную Рус-
скую пѣсню: *между дубомъ и бере-
зой рѣка протекала.*

Inter quercum et betulam

Flumen promanavit;

Flumen, flumen promanavit.

Aqua frigidula.

Nemo potest aqua bibi,

Nec illam hauriri!

»Помогай, Богъ! — сказалъ вошед-
шій въ сіе время въ квартиру дьяч-
ка человекъ высокаго роста съ съ-
дою, какъ лунь, головою, но еще бод-
рый пѣломъ и свѣжій лицомъ, со-
спавлявшимъ сущую вывѣску жи-

Часть II.

5

пейской мудрости. — Помогай Богъ! Славно, Климъ Степанычъ! Нечего сказать: мастерище! Да еще и на Лапинскомъ діалектѣ»

— А! Эпо вы, Аркадій Пепровичъ! — воскликнулъ дьячекъ пьянымъ голо-
сомъ. — Эпо вы? Здравія желаемъ! Садитесь, гости будете! А я такъ пьянъ сего дня, не осудише!

»Что осуждашь, Климъ Степанычъ! Этомъ грѣхъ и съ нами водился! Пойце-ка, я послушаю»

— Не осудише, пожалуй-спа, не осудише, Аркадій Пепровичъ!

»Да ужъ не осужу; пой, Климъ Степанычъ, пой!»

— Ну не осудите же!

«Пой, пой!»

Дьячекъ запѣль:

Apud virum seniore
Femina formosa;
Castigari negat uxor
Neque maculari!
Castigavit una hora
Flevit hebdomade!

— Что жь это значишь, Климъ
Степанычъ?

«Это значишь то, что билъ жену
одинъ часъ, а плакалъ недѣлю.»

— Э! Э! Вошь какво женишься!
Не женись, Климъ Степанычъ! Су-
щяя бѣда! Досыта наплачешься!

»Чортъ съ ними! Я думалъ, да и раздумалъ, да и передумалъ«

— А вѣдь болпали, Климъ Снепанычъ, что вы кое-гдѣ присваивались, да чупъ ли и къ внучкѣ Отца Пешра

»Анафема! Трижды анафема и онъ, и она, и эпопъ Мичманишко, и эпопъ Зудишко, и всѣ они Будь они прокляпы опъ меня!«

— А за что же, Климъ Снепанычъ, на Зуду-шо ты прогнѣвался? Ужъ, вѣрно, онъ не перебивалъ у тебя!

»Кшо? Зуда? Эпопъ мошенникъ Зуда? Нѣтъ; завпра! Не будь я дячекъ Климъ Снепановъ Шайдуровъ, если

я не женюсь на этой дѣвчѣнкѣ! Она моя, моя! Это вѣрно такъ же, какъ и то, что я пьянъ сегодня!»

— Кто же и сомнѣвался въ этомъ, Климъ Степанычъ? Если ужъ за себя не опдашь, такъ за кого же?

»Да ужъ опдавай онъ, не опдавай, а я сдѣлаю посвоему: я женюсь на его внучкѣ! Коли пошло на переборъ, такъ я же упрямя! Я то сдѣлаю, что они всѣ на колѣняхъ будутъ просить меня: женись, бапюшка Климъ Степановичъ, да еще, можешь бышь, я-то тогда заупрямлюсь!»

— Съ вашимъ умомъ, Климъ Степанычъ, все можно сдѣлать. Говорять же, что вода-де камень долбитъ,

а чпобъ умный чловѣкъ не могъ достигнуть чего жслаешъ — вѣришь не хочу этому!

»Да ужъ что придумано мной, шакъ пусшь другой выдумаешъ! . . . «

— Да кто же можешъ это выдумашъ? Нѣшь, Климъ Степанычъ, скажу вамъ безъ обиняковъ: много видаль я людей на свѣшъ, а умше, брашъ, шебя не видываль

»То-шо же! А эпомъ спарый плупъ, Зуда, осмѣлился смѣяпсья, когда я сказала ему объ эпомъ! Да ужъ я опсолю имъ всѣмъ! Я имъ покажу, какво задѣвашъ не по силамъ! Я ихъ всѣхъ упеку подѣ судъ «

— Да если правду скажешь, такъ давно бы пора это сдѣлать, особенно съ мошенникомъ Зудю: онъ давно, говоряшь, поносишь васъ, гдѣ только можно.

»Разбойникъ! Я дамъ ему! Я ему дамъ! Вошь бумажка! Стоишь только пустишь въ ходъ—и дѣло съ концемъ! Тутъ все написано: какъ они бунтовали народъ; какъ учили не слушаться Начальника; какъ . . . ну, слышь, все, да и полно! . . . Все, все!»

— Да ужъ если вы сами, Климъ Степанычъ, поспурились надъ нею, такъ, вѣрно, еспь что почицашь!

»И, конечно, самъ! Гдѣ жъ этому дураку Фельдшеру? . . . Вѣдь онъ

дуракъ, хошъ Начальникъ его и любишь! . . . Вчера еще вздумалъ учить меня: ты де напиши такъ-то и такъ-то . . . Нѣтъ, брашъ, не тебѣ меня учить! Цицеронъ, Демосфенъ — вошъ мой учители! Я взялъ перо, да и давай кашашъ!»

»Его Высокоблагородію Начальнику Камчатки Антону Григорьевичу Бронникову Дьячка Клима Степанова Шайдурова покорнѣйшее донесеніе«

Дьячекъ, дѣлая самыя глупыя и хвастливыя замѣчанія, оспанавливался почти на каждомъ словѣ, однако жъ дочиталъ ошъ начала до конца свое донесеніе, въ кошоромъ онъ, якобы по долгу присяги и совѣсти, вводитъ на Протопопа, Мичмана и Зуду шѣже самыя небылицы, какія были

выдуманы бездѣльникомъ Фельдшеромъ, и въ заключеніе спросилъ: каково?

— Прекрасно, Климъ Степанычъ, прекрасно! Лучше никпо въ свѣтѣ не напишешь! А чтоже вы медлите, не подадите этой бумажки? Пустите ее, да и все!

»Да вишь я имѣю великодушное сердце; думалъ: авось опомняшся, да нѣтъ! Видно судьба! Пусть же купаюшся! Завтра же пуцу въ ходъ Завтра, завтра! Полно имъ смѣяться надо мною, полно! . . .«

Долго еще болталъ дьячекъ, и наконецъ, закрывъ глаза, крѣпко зас-

нуль и захрапѣлъ, а незнакомецъ, пересмотрѣвъ разбросанныя на столѣ бумаги, нашель въ числѣ ихъ донесеніе дьячка, написанное вчернѣ, и выходя отъ него говорилъ: »Вошъ какіе умыслы! Такъ справедлива пословица, что молва въ народѣ ходитъ не по пуспому, и въ каждой лжи есмь нѣсколько правды. Вчера я думалъ, что Акета болтаешъ пуспяки, и пошлель люлька къ этому глупцу для опыта, а теперь вижу и въ самомъ дѣлѣ, что это правда. Надобно какъ нибудь дасть знашь Зудѣ объ эшихъ козняхъ! Ахъ, бѣдный пы поварищъ моей ссылки! видно люди еще не сыпы нашею бѣдою; видно ничто не ушопилшъ злобы ихъ: ни лохищеніе всѣхъ надеждъ нашей молодости, ни наша горькая старость!»

XII.

КАМЧАДАЛЬСКОЕ УГОЩЕНІЕ.

Выведенный нами на сцену въ предъидущей главѣ незнакомецъ былъ несчастный *Иваикинъ*, такъ же, какъ и Пропопъ Верещагинъ, обратившій на себя вниманіе Англичанъ и Французовъ своею судьбою и бла-

городспвомъ души. Воспитываясь въ одномъ заведеніи съ Зудю, онъ былъ другомъ его съ самаго дѣтства, не смотря на разность характеровъ. Оба они равно любили правду и добродѣтель, и ненавидѣли порокъ и ложь; но Зуда не умѣлъ удерживать порывовъ своего сердца, шелъ вездѣ грудью и высказывалъ свое мнѣніе напрямки, а, напропивъ, *Ивашкинъ*, сохранявшій во всякомъ случаѣ болѣе равнодушія, не любилъ лѣзть добровольно въ опасность безъ пользы себѣ и другимъ, старался избѣгать ее, когда можно было сіе сдѣлать, и для достиженія своихъ цѣлей, особенно на пользу другихъ, не гнушался никакими средствами, если только можно было согласить ихъ съ правилами чести и справедливости.

Такимъ образомъ, вывѣдавъ у пьянаго дьячка свѣдѣніе объ опасности, угрожавшей Зудѣ, Ивашкинъ рѣшился, во что бы то ни стало, передать ему о семъ извѣстіе, совѣтуя предупредить бѣду удаленіемъ на острова или въ другое какое нибудь укромное мѣсто, доколь лучшая звѣзда не взойдетъ надъ Камчаткою: »ибо — прибавилъ онъ — хотя я и напередъ знаю, что по своимъ правиламъ бѣгство отъ суда есть величайшій грѣхъ и преступленіе; но, вспомни: *во первыхъ*: что съ нами, лишенными уже гражданскихъ правъ, можемъ и за малѣйшую вину поступить самымъ жестокимъ образомъ, *а во вторыхъ*: что судьи твои будутъ люди, не знающіе ни совѣсти, ни Бога, и на правосудіе

копорыхъ споль же мало мѣжно на-
дѣяпсья, какъ на вѣшній ледъ. Если
Начальникъ допронулся бы до шебя
и однимъ пальцемъ полюжо: по и
шогда пы непременно провалился
бы въ пропасть, а теперь онъ объ-
ими руками спарается спехнуть шу-
да, хопъ и не прямо шебя, но па-
кихъ людей, съ которыми необхо-
димо приведешся и шебъ погибнуть
за компанію. Пожалѣй, мой спарый
другъ, если не себя, шагъ меня. Ко-
нечно, жившь въ подлунномъ * мѣрѣ
намъ оспалось уже недолго; но все
осирошѣль какъ-то не хочешся, а
послѣ шебя я совсѣмъ осирошѣю!
Припомъ, другъ мой, подумай, чпо
скрившись опъ злодѣевъ, пы ни ма-
ло не нарушишь обязанностей вѣр-
воподданнаго: ибо шебя осудить не

ГОСУДАРЫНЯ, которая безъ вины и шрости сокрушенной не преломитъ, но нарушили ея законы, обманщики и притѣснители, которыхъ мечъ ея, рано или поздно, но постигнетъ непременно, и кажется, это время уже недалеко. Есть слухи, что нынѣшній Иркутскій Губернаторъ, *Клики*—человѣкъ умный, правосудный и весьма заботливый о благѣ Губерніи. Онъ навѣрно не допуститъ и нашу бѣдную Камчатку терпѣть долго зло, и поспарается залечить поскорѣ ея раны. И такъ послушайся меня: укройся до времени отъ бури, а памъ Богъ, ГОСУДАРЫНЯ и Начальство защитятъ тебя! Не упрямясь, и не увеличивай моего горя. Прощай!

Но съ кѣмъ же переслать мнѣ это письмо? — спросилъ самъ себя Ивашкинъ, окончивъ его. — Если оно попадется въ руки Начальника: по меня живаго съѣдятъ! . . . Ахъ, поспой! . . . Развѣ мнѣ угостишь хорошенько *Акету*, и, вмѣсто подарка, взятъ съ него слово опвеситъ это письмо! . . . Точно такъ! . . . Это дѣло я вздумалъ! . . . Ему хотъ приведется сдѣлать верстѣ со сто лишнихъ, но венадо только жалѣшь, пару и пошаратся такъ угостишь его, чшобы онъ нѣхотя далъ слово Ахъ, кабы мнѣ удалось это сдѣлать! Боже мой! помоги мнѣ шѣмъ или другимъ способомъ, но только бы спасши моего бѣднаго Зуду! . . .

Разсуждая такимъ образомъ, Ивашкинъ приблизился къ юрть, гдѣ кваршировалъ Акеша. Акеша былъ Тоюнъ острожка, находившагося на рѣкѣ Камбалиной, и вовсе испребившагося во время заразы. Изъ словъ Ивашкина, мы видѣли, что Акешъ, для заѣзду въ Кууюхченъ, надлежало свернуть съ прямаго пуци на большее распояніе; и поному-то требовалось особенное стараніе, чтобы убѣдить его: дашь на сіе свое слово, а слово дикаго Камчадала, въ бесѣдѣ съ пріятелемъ вымолвленное, значить и донынѣ гораздо болѣе, нежели есѣ контракты, заключаемые между нашею просвѣщенною брашнію, по вѣмъ обрядамъ законнаго порядка.

Ивашкинъ, пригласилъ къ себѣ Аке-

пу, испюпиль баню жарчайшимъ образомъ, и, по Камчадальскому обычаю, засадилъ дорогаго госпя на самый полокъ. Тамъ были приготовлены для него: спрашная чаша щербы (*), ужаснѣйшая порція кислой, вонючей рыбы—самаго любимѣйшаго Камчадальскаго кушанья—и цѣлая кадка толкуши. Сперва жаръ въ банѣ былъ еще не очень великъ, и Акета примѣтно эшимъ обидѣлся: ибо сильный, нестерпимый жаръ для Камчадала есть первое угощеніе. »Другъ!—сказалъ онъ Ивашкину—ты покупился, знашь, на дрова: ужъ лучше бы не звалъ, коли жаль!»

— Не торопись, любезный! Покушай на здоровье, а мы вошь по не-

(*) Похлебка изъ соленой рыбы.

многу будемъ поддавыватьъ . . . Ну
каково шеперь?

»Теперь нешто!»

— А вотъ мы еще поддадимъ разиковъ пшпъ, шакъ, авось, и поразогрѣешься!

Послѣ сего хозяинъ началъ сдавать на каменку и угощать гостя самымъ прилежнымъ образомъ, а гость, по правиламъ Камчадалской учтивости, всѣми силами старался показашъ видъ, что жаръ еще не слишкомъ великъ и приготовленнаго кушанья еще не совсѣмъ достаточно. Верхъ Камчадалскаго угощенія есть доведеніе, наконецъ, несыпаго и недовольнаго гостя до признанія, что онъ

не въ силахъ болѣе ни ѣсть, ни сносить жара: тогда угощеніе превращается уже въ пышку, и хозяинъ, не смотря на моленіе гостя, продолжаетъ его угощать дошолъ, пока не выпросишь у него всѣхъ шѣхъ вещей, какія только онъ желаетъ у него опшягать. Къ этому-то и стремился Ивашкинъ, доводя жаръ бани до высочайшей степени температуры; такъ что и самъ не былъ уже въ состояніи сносить его, и продолжалъ сдавать, выйдя въ передбанникъ. Господь, наконецъ взмолился: »Другъ! спасибо, довольно! Не могу больше! Сытъ по горло, а жаръ ужъ глаза сжешъ!«

— Э! Полно, любезный! что это за жаръ! Такъ ли еще угощаютъ

Русскіе! Вотъ еще корыпцо кислой рыбки скушай, а мы между пѣмъ еще поддадимъ разика два, при.

»Сдѣлай милость, другъ, перестань! Не могу больше! Проси, чего хочешь, все опдамъ, только выпусти вонъ!..«

— Такъ и бытъ выпущу: опвези письмо въ Кууюхченъ, я припомъ, чтобы здѣсь ни одинъ человекъ не зналъ объ немъ.

»Нѣтъ, другъ, далеко; проси, что другое, все дамъ, а эшаго не могу.«

— Не можешь? Скушай же еще корыпцо, а я еще парку прибавлю... Ну каково теперь?

»Пожалуй-ста, другъ, перестань!
Выпусти: всѣхъ собакъ хорошихъ
опдамъ; опдамъ парку бобровую, да
въ придачу десять соболей, да пяпокъ
лисиць. «

— Ничего не надобно, любезный!
Я прошу одного. Опраспывай ко-
рышцо-то, а я еще разокъ лenu (*)
на каменку

»Ой, другъ, перестань! Выпусти,
на все согласень!«

— Такъ опвезешь письмо? . . .

»Опвезу, другъ, опвезу!«

— И здѣсь никому не скажешь? . .

(*) Подолью.

«Никому, никому, ни одной собацкѣ!
Пусть меня съѣдятъ медвѣди, или
злой духъ удушитъ, когда поѣду
мимо его дерева, или»

— Ладно, не клянись! Я и слову
твоему вѣрю. А выѣдешь ли завтра
по-ушпру чѣмъ свѣшь?

«Выѣду, когда хочешь, только вы-
пусти! Ой, пошнехонько!»

— Ну, шакъ и бышь; вылѣзай!

Такимъ образомъ кончилось угоще-
ніе, и гость еле живой вылѣзъ, на-
конецъ, изъ бани, и полумертвый
палъ на снѣгъ.

»Ну другъ! — сказалъ онъ нѣсколь-
ко опомнившись — славно угоспиль,
нечего сказать! Скажу тебѣ, другъ,
правду: и нашему брату Камчадалу
врядъ ли удастся такъ уподчивать!
Чудо какъ угоспиль!»

— Ну я радъ, Акета, что ты до-
воленъ. Вѣдь мы съ тобой старые
знакомые, такъ и спыдно было бы,
когда бы ты не доволенъ ъспался....

Назавтра Ивашкинъ еще прежде
разсвѣта явился къ Акетѣ, и отдавал
ему письмо сказалъ: На же тебѣ пись-
мо, да поѣзжай съ Богомъ, а на про-
щаньи выпей-ка вошь энопѣ спа-
канчикъ водки, да вошь еще на до-
рогу небольшая фляжка. Больше нѣтъ,
не осуди!

«Спасибо, спасибо, другы! Доволенъ тобою такъ, что не только за око, за тысячу верстъ посылай—поѣду, да и по дорогѣ всѣмъ буду хвастать: вопъ-де какъ угощаютъ Русскіе!»

— Ладно, рассказывай; только о письмѣ-то надо молчать

«Ужъ скажу ли я, коли даль слово; умру скорѣе!»

— Хорошо, хорошо! . . . Ну, пора, отправляйся!

«А бы сей часъ; только не знаю, что долго не йдутъ мои родовичи. . . .»

— А волкъ и они — сказалъ Ива-
шкинъ, — легки на поминѣ! Что
Часть II. 6

вы замѣшались, ребяща? Напе-ка выпейте поже на дорогу по спаканчику да и спунайте проворнѣе

»Спасибо, бачка! Сей часъ поѣдемъ, мы гошovy.«

Родовичи Акеты были извѣстные уже намъ два Камчадала: Лемшинга и Камакъ, провожавшіе Протопопа Верещагина, и возвращавшіеся назадъ на рѣку Камбалину.

Распрощавшись съ Ивашкинымъ, Камчадалы съли каждой въ особой шежхедъ, и на самомъ разсвѣтѣ гусемъ опправились по пуспынѣ, покрытой глубокимъ снѣгомъ, на копоромъ извивалась едва замѣтная пропинка.

Ивашкинъ, по чувству опасенія и оспорожности, проводилъ ихъ далеко за острожекъ и смотрѣлъ вслѣдъ за ними, пока караванъ не завернулся за лѣсъ, и не исчезли въ дали раздававшіеся по дебри дикіе возгласы: Хугъ хугъ! Какъ, какъ!

Проѣхавши цѣлый день, Камчадалы были къ вечеру уже верстѣ за сплоснѣ Пепронавловска. Они ѣхали не по пропороженной дорогѣ, но только по извѣстной однимъ имъ, какъ спариннымъ хозяевамъ дома, копорымъ въ родномъ пепелищѣ свѣдома съ дѣтства каждая вещь и каждый уголокъ. Въѣхавъ въ средину хребтовъ, проходящихъ вдоль по Камчаткѣ съ Юга на Сѣверъ, они встрѣтили тамъ ужаснѣйшій сороко-градусны

морозъ, опть кошораго воздухъ, сном неподвижно и сгустившись какъ туманъ, захватывалъ дыханіе. На Камчадалахъ опть шеллопы, выходившей изъ рта, и походившей на густой дымъ, все обледенело: и брови, и усы, и борода, и куклянка. Морозъ проникалъ до костей и съ величайшею злобою, шакъ сказанъ, выжималъ душу изъ тѣла; но Камчадалы, не разъ уже бороніеся съ его яростію, вхали довольно спокойно, и только изрѣдка вскакивали съ шижелетъ, и бѣжали бѣгомъ. Между тѣмъ въ дѣбряхъ была совершенная тишина; ни дыханіе въпра не кодыхало, обнине-вѣвшія въшви деревья, ни звѣрь не пробѣгалъ по лѣсу, ни птица не пролетала по воздуху; даже вороны, эти воснипанницы зимы и Сѣвера,

едва взмахнувши крылами, падали мертвые, пораженные спужей. Одни Камчадалы были живые существа, пропивившіяся ея нападеніямъ, но наконецъ и они рѣшились остановиться, и раскрасить огонь. Сѣвши около костра, они вынули свой скудный обѣдъ, по куску юколы, и раскуривали флягу, которая въ сіе время была милѣе для нихъ всѣхъ благъ во вселенной; но что же? къ величайшему огорченію ихъ вино не текло въ опверсшія, и должно было имѣть самое великодушное терпѣніе, дабы дождаться, покамѣсшъ оно растаетъ. Въ вознагражденіе за сіе Камчадалы выпили на сей разъ, пропивъ обыкновеннаго, тройную порцію, и особенно *Акета* допояль лобызался съ флягою, доколь не испощилась въ ней

послѣдняя капля привязанности. Наконецъ, кончивъ обѣдъ и накормивъ съ шѣмъ вмѣстѣ и собакъ, путешественники пустились на рѣку, пробравшуюся между спрашныхъ утесовъ, или по Сибирски: *щекъ*, нависшихъ надъ водою, и верхи которыхъ были покрыты громадами *куржевины* (*), могущей, при малѣйшемъ сотрясеніи воздуха, обрушиться и завалить навсегда несчастныхъ проѣзжихъ. По сей причинѣ между сихъ щекъ благоразумные путешественники проѣзжаютъ обыкновенно съ величайшимъ молчаніемъ и оспорожностію; но не таковы были на сей разъ наши Камчадалы, воспорженныя краснорѣчіемъ флаги. Двое изъ нихъ завели между собою споръ.

(*) Куржевина-ией.

— Вѣдь, кажись, съ эшаго ушеса — спросиль Камакъ — бросился пошъ царень?

»Какой?»

— Ну пошъ, чшо, говоряшъ, свалался-де у Тоіона Кушуги на дочери, да Кушуга просиль у него въ подарокъ собачей пѣрки, а онъ, сколько ни работалъ, никакъ-де собачей пѣрки достать не могъ, а доспалъ только бобровую, да лисью; и вопъ-де Кушуга ему опказалъ, а онъ съ горя пошелъ да и бросился

»Да, вспомнилъ! Только нѣшъ, не съ эшаго, а вонъ съ того, чшо наповоротъ-шо на право«

— А мнѣ пакъ сказывали, чшо съ эшаго?

»Ты говори: я не знаю!«

— Да видимо, что не знаешь!

»А ты что ли знаешь?«

— Да знашь, что шакъ!

»Ахъ ты, сивуча, тебѣ знашь!«

— Смотри, Лемшинга, не лайся:
я те ошпиломъ ошаломлю, шакъ и
все позабудешь

»Попробуй-ка: шакъ у самага въ
глазахъ заверщится. Я те ни кто
другой!«

— Да и я тоже! Виць на олуха
напакался!

»Молчи же, докуда я те въ самомъ дѣлѣ не обломалъ ребры!»

— Свои-то побереги!

Въ продолженіе этой ссоры, Акеша, вхавшій за нѣсколько сажень впереди, былъ со всѣмъ въ иномъ расположеніи духа. Воображеніе его, разгоряченное водкою, живо представило ему прошедшее. Онъ раздумался о разныхъ его дѣлѣхъ, встрѣчавшихся въ его жизни: какъ нѣкогда убѣжала у него изъ подъ самыхъ рукъ попавшаяся въ *слѣпцы* (*) лисица; какъ унесло однажды приливомъ моря байдару съ берега; какъ медвѣдь, подкравшись въ одно время къ балагану,

(*) Ловушка.

поѣлъ всю допла сушившуюся памъ
рыбу и проч. и проч. Всѣ несчастія
его были для насъ чрезвычайно смѣш-
ны и забавны; но у всякаго свое
горе. Наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, вспа-
ло ему на умъ горе немалое: попе-
ря жены, незадолго предъ тѣмъ умер-
шей и горячо имъ любимой, и въ
горькомъ раздумьи, онъ зацянулъ
унылую пѣсню:

Какъ не гадаю-шо не думано,
Чшо пришла бѣда со всего свѣта:
Поперяль-шо я жену душечку!
Какъ со шой бѣды, со кручинушки,
Пойду въ шемный лѣсъ добрый молодець,
Спану драпъ и вѣшь кору съ дерева.
И еще проснусь я ранешенько,
До возхода-шо красна солнышка,
Погошо ли я, добрый молодець,
Ааигичь—ушку на сине море,

И въ слезахъ взгляну на всѣ спороны:
Не пайдешся ли моя милая,
Моя милая жена душечка (*)

Пѣвши эту пѣсню, Камчадалъ въ самомъ дѣлѣ плакалъ горько: къ чему пьяные бывающъ, какъ извѣстно, особенно способны; но вскорѣ попомъ воображеніе стѣ представило другія картины, и онъ запѣлъ во все горло:

»Тинсаинку Фрованпахъ «

По несчастію въ поже время увеличился и крикъ ссорившихся, вовсе забывшихъ о заповѣдномъ безмолвіи спрашнаго мѣста, по которому они проѣзжали. Вдругъ ужасный шумъ начался надъ ихъ головами. Они

(*) Настоящая Камчатская пѣсня, переведенная съ Камчадальскаго языка.

взглянули кверху и съ невообразимымъ ужасомъ увидѣли, что спрашная лавина опдѣлялась понемногу отъ утеса, и медленно наклонялась на нихъ. Пагубный хмѣль ихъ прошелъ мгновенно, и волосы вспали отъ страха на головѣ. Оспавалось одно мгновеніе, на что нибудь рѣшиться: оно пролетѣло въ изумленіи—и быстрая струя мелкаго снѣга полилась на несчастныхъ въ предвѣстіе смерти. »Гибнемъ!« — вскричали они въ одинъ голосъ, поднявъ по инстинкту руки свои кверху, какъ бы желая удержатъ спрашную громаду, на нихъ обрушавшуюся. — »Гибнемъ!« Но голоса ихъ никто, ни даже сами они, не могли уже услышатъ: ибо въ сіе мгновеніе куржевина рухнула, и погребла ихъ подъ своею массою.

Спустия послѣ сего несчастія два или три дня, пахалъ на упавшую лавину новый караванъ, которому иначе нельзя было проѣхать, какъ прежде разгрести снѣгъ. Въ семь караванъ замѣтна была, повидимому, главная особа—человѣкъ небольшого роста, величаво выступавшій самими пвердыми спопами и грозно распоряжавшій работою съ величайшимъ крикомъ и бранью.

«Ахъ, вы, изверги! едва шевелитесь! Проворнѣ!»

— Да помилуйте, Петръ Федоровичъ — сказалъ одинъ изъ работающихъ — вѣдь изволише видѣть: и шо спараемся, да руки окостенѣли!

»Ты еще говоришь началъ! Твое дѣло копать, а не разглагольствовашь! Вы испошачены, изверги! Подай-ка сюда лопату! Вотъ какъ надо! Видишь? Ба! Это что такое? Ошполъ? Такъ и ешь! Смощри, что шупшъ кто. нибудь задавленъ! Копайше-ка на эщомъ мѣспѣ проворнѣе!»

Козаки и Камчадалы, соспавлявшіе свипу Петра Федоровича, ш. е. почтеннаго Секретаря Погремушкина, пробиравшася въ Кууюхченъ на слѣдствіе, начали разгребать снѣгъ самымъ усерднымъ образомъ, и первый опрышый ими мершвецъ былъ *Акета*. Погремушкинъ, сколько правдолюбивый, сполько же и человеклюбивый, принялъ было немедленно мѣры къ спасенію его жизни, и велѣлъ

ошпирашь его снѣгомъ; но когда стали раздѣвать замерзшаго и нашли у него подъ куклянкою на груди письмо, и когда Погремушкинъ узналъ онаго содержаніе: то самое справедливое негодованіе овладѣло его душою, и онъ вскричалъ въ бѣшенствѣ: »Ахъ онъ, воръ! Ахъ, онъ мошенникъ! Бросьте его бѣспію! Пусть его околѣваешь! Онъ разбойникъ! Измѣнникъ! Всѣ въ заговорѣ! Всѣ въ комплотѣ пропивъ Начальства! И эполтъ старый лиса Ивашкинъ шупъ же поднялся! Добро вы всѣ, мошенники! Всѣхъ васъ въ дребезги, да идѣлу конецъ!«

Свила Погремушкина, не понимая ни одного слова изъ сего грознаго монолога, стояла вокругъ своего пе-

вѣлился, выпарачивъ глаза и опустивъ руки. Наконецъ, онъ вскрикнулъ на нихъ: »Что вы, шельмы, выпучили на меня глаза! Что вы не работаете? Что вы стоите? ..« Опрогбывшая свита опять привялась разгребать снѣгъ, а Начальникъ ея, выбравъ между тѣмъ, распорочившаго козака, тотчасъ отправилъ его съ обысканнымъ письмомъ къ Начальнику, примолвивъ: »Послушай Горбуновъ! хотя это письмо и не запечатано; но если, кромѣ Начальника, прочтешь его кто другой, шты головой своей за это отвѣчать будешь.« Козакъ далъ швердое увѣреніе, что исполнитъ приказаніе въ точности, и немедленно отправился, а вскорѣ послѣ сего и весь караванъ, очистивъ себѣ путь, пушился да-

лѣе, имѣя посреди шежхедъ Погремушкина, который, разсуждая надосугѣ о найденномъ имъ письмѣ, благословляя Небо, доставившее ему столь прекрасный случай опличиться предъ Начальникомъ, и разрушить соспавленный прошивъ него ком-пюпъ.

ХІІІ.

Великодушіе.

Спустя два дня по отъѣздѣ Акешы, рано по-утру, закинувъ за плеча винтовку и подвязавъ лыжи, Ивашкинъ отправился изъ Пепропавловска на звѣриный промыселъ, сперва бывшій для него необходимымъ

средствомъ для пропитанія, а потомъ уже обратившійся въ страсть. Особенно любилъ онъ преслѣдовать лисицъ, кошорыхъ забавная хитрость доставляла ему величайшее удовольствіе. Но кспати замѣлимъ, что до прибытія Русскихъ въ Камчатку и самыя лисицы сохраняли патриархальную пресноту нравовъ, и нерѣдко спаями выходили изъ лѣсу, дабы дружески раздѣлять трапезу съ собаками; такъ что не гощепримный Камчадалъ долженъ былъ опшговяшь ихъ опъ корма палкою, и могъ ловить ихъ руками. Но во время Ивашкина нравы лисицъ уже совершенно развратились, и онъ, сколько ни былъ искусенъ и опытенъ въ ловлѣ ихъ, однако жъ двѣ зимы сряду ходилъ за одною сиводушкою, ко-

шорая самымъ искуснымъ образомъ
вытаскивала приманку изъ ловушекъ,
и уходила опть нихъ цѣла и невре-
дима. Наконецъ Ивашкинъ, въ нае-
стоящемъ своемъ путешествіи, под-
караулилъ ее на семь злодѣйскомъ
умыслѣ, и прицѣлясь изъ винтовки,
уже приговорилъ было ее къ смер-
ти, какъ вдругъ рѣздался по-лѣсу
крикъ: Кахъ, кахъ! Хугъ, хугъ! Прео-
ступница встрепелась и снова про-
пала изъ глазъ мстителя. Ивашкинъ,
положивъ съ досадою ружье на пле-
чо, пошелъ на гуль, ворча сквозь
зубы: «Что тамъ за чортъ закудах-
палъ? Словно нарочно, чшобы спуг-
нуть эту проклятую! . . . Ба,
это ты, Горбуновъ! — сказалъ онъ
выйдя изъ лѣсу.— Откуда это тебя
несешь нелегка? Типунъ бы шебъ

на языкъ! Только лисицу испугалъ у
меня.»

— Чино ты?

«Я лишь приложился, да хотѣлъ
спустить курокъ, какъ ты гарк-
нешь, а лисица и была такова!»

— Чшо жъ дѣлать, брашна? Изви-
ни! Не даромъ говоритсѧ: кабы зналъ,
гдѣ упадешь, пакъ подослалъ бы со-
ломы; а шо, вѣдь, сквозь лѣсъ-шо не
видно.

«Ну, ужъ чшо сдѣлано, шо сдѣла-
но: теперь не ворошишь! А скажи-ка

миѣ лучше: пы-шо опѣ чего ворошился?»

— Послали такъ и ворошился: наше дѣло подначальное.

»Да, вѣдь вы, чай, не успѣли и доѣхать еще до мѣста?»

— Какое тебѣ до мѣста! И полдороги еще не проѣхали!

»Что же такъ?»

— Да, вишь, чоритъ сбросилъ съ улеса куржевину. Слышь: цѣлый *день* *деньской* разгребали, да когда и я поѣхалъ, шо еще наши ребята возились надъ нею

»А ни кого не нашли въ снѣгу?«—
спросилъ Ивашкинъ съ заботливо-
стию.

— Какъ же! Я только хотѣлъ
сказать, что нашли того Камчада-
ла какъ бишь его зовутъ? . . .
Ну, слышь, того, котораго, сказываю-
тъ, ты передъ отъѣздомъ по-
рядкомъ опжарилъ на полкѣ?

»Боже мой! Ужели Акету?«

— Да, да, Акету

»Что же вы съ нимъ сдѣлали?«

— Да Петръ Федоровичъ, слышь,
велѣлъ его опширать снѣгомъ. Вошь
мы снали раздѣвать его; глядь: у

него за пазухой письмо. Пепръ Федоровичъ, когда прочишалъ его, шакъ, слышь, осерчалъ, словно чёршъ, да и велѣлъ Камчадала опящъ бросишь, какъ собаку, на прежнее мѣсто, а меня послалъ съ эшимъ письмомъ къ Начальнику

Слушая сіе, Ивашкинъ перемѣнился въ лицѣ; но, какъ давно знакомый съ бѣдами, скоро оправился, шакъ что простодушный козакъ не могъ замѣшитъ сей перемѣны.

»А что же это за письмо? — спросилъ Ивашкинъ, желая скрышь обладающее имъ чувство. — Не лзя ли показашь?»

— Нѣтъ, брашна, не лѣзя: крѣпко накрѣпко заказано.

»Ну не лѣзя, такъ не кажи! Богъ съ тобой!«

Вскорѣ послѣ сего разговора, Ивашкинъ распрощался съ козакомъ, снова углубился въ лѣсъ, и, выйдя попомъ на знакомую падь, быстро понесся на лыжахъ, выбирая самый краткій обратный путь; наконецъ, проходя по покашоспи одной горы, откуда были видны вдали хижины Петропавловска, онъ, устремя на него неподвижный взоръ, вдругъ оспановился. »Боже мой! куда я иду?—говорилъ онъ, прерывая изрѣдка вырывавшіяся слова продолжительными думами. — Что тамъ будетъ со мною? Какую чашу приготовила еще для меня судьба? Что

Часть II.

7

мнѣ дѣлать? На что рѣшишься?
А почему же не такъ? Почему же,
въ самомъ дѣлѣ, не спасаешь мнѣ се-
бя, когда я могу это сдѣлать? По-
чему не бѣжаешь мнѣ опрѣ бѣды, ко-
гда я могу уйти туда, гдѣ никакая
человѣческая злоба не найдетъ ме-
ня? . . . Точно такъ! Я могу, и слѣ-
довательно долженъ это сдѣлать!
Эти горы, эти лѣса и дѣбри сорокъ
лѣтъ уже знакомы мнѣ, и они да-
дутъ мнѣ уголокъ, чтобы прогнѣсти
малый оснапокъ моей жизни, а руки
мои, благодаря моей нищестѣ, давно
научились прокармливать меня безъ
помощи мнѣ подобныхъ? . . . Такъ
пойду же; прощусь навсегда съ
этимъ независнымъ родомъ, назы-
вающимся людьми, и пойду убѣжи-
ща среди бѣдныхъ живошныхъ,

которыхъ они, какъ бы въ насмѣшку, вслнчаюшъ кровожадными. Прощайте люди!« Онъ поспѣшно поворотилъ вгору, и быспро началъ входилъ наверхъ, но потомъ вдругъ опять остановился. »А ты, другъ мой юности! ты какъ останешься? Что съ тобою будетъ? Тебѣ кто поможетъ, когда изверги будутъ мерзавъ тебѣ? Ахъ горе! Нѣтъ, сколько ни думаю, не могу спасти его! Такъ и быть: мы спрдали вмѣстѣ, вмѣстѣ и умремъ, если не будемъ въ силахъ перенести мученій, и если не удасться А какъ знаешь? Можешь быть, въ самомъ дѣлѣ еще я найду случай спасти его! Пойдемъ; опважимъ жизнь! Что я говорю? Она уже прошекла, а оставшаяся капля

стойшь ли уже много, чибобы беречь ее для себя? Прольемъ ее для другихъ, если будешь нужно, и счесть мой съ людьми будешь конченъ!»

Исполненный сего благороднаго самоотверженія, Ивашкинъ спустился съ горы, и поспѣшно пошелъ къ Петропавловску. Тогда былъ часъ седьмой вечера. Солнце давно уже съмо за горизонтъ, и самая заря погасала на вершинахъ горъ. Пользуясь темнотою, Ивашкинъ оспорожно подошелъ къ своей квартирѣ; но не вошелъ въ нее, услышавъ многіе знакомые ему голоса козаковъ, по видимому, производившихъ самый тщательный обыскъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ дома. »Спранное дѣло! — думалъ онъ. — Съ какимъ

безпокойствомъ ищущь люди бѣднаго спаричишка, чѣобы еще потѣшился надъ его оправданіемъ! Напрасныя хлопоты! Я самъ приду въ ваши руки, коль скоро сочту это нужнымъ, а теперь воспользуемся пока послѣдними минушами свободы, если она есть у несчастныхъ!» Легкій вздохъ, невольно вырвавшійся изъ груди его при семъ словѣ, былъ замѣченъ находившимся подлѣ дома въ засадѣ караульнымъ. »Здѣсь!« — закричалъ сей послѣдній. Толпа козаковъ бросилась изъ избы; но Ивашкинъ успѣлъ скрыться опѣ ихъ преслѣдованій, и наконецъ ускользнулъ въ ворота сползшаго по лупи Протопопскаго дома.

Въ сіе время Протопопъ, не подозрѣвая сбиравшейся надъ головою

его грозы, весело сидѣлъ за чаемъ съ Марією и ея женихомъ. »А! добро пожаловать, Аркадій Петровичъ! — сказалъ онъ вошедшему въ комнату Ивашкину. — Давно я не видалъ тебя! Каково поживаешь? Чѣмъ подѣльываешь? Садись-ка да, побесѣдуй съ нами!
. . . Машинька! налей-ка чашечку . . .
Садись, Аркадій Петровичъ! Не спѣсивься! Да чѣмъ ты, Господь съ тобой! озираешься, словно боишься чего? Ужъ здоровъ ли ты? . . .«

— Здоровъ, здоровъ, отецъ Петръ!
— говорилъ Ивашкинъ наскоро и самымъ тихимъ голосомъ, запворяя между тѣмъ дверь на крючекъ.

»Да чѣмъ ты дѣлаешь, Богъ съ тобой? Дверь-пу для чего запираешь?«

— Отецъ Петръ!—сказалъ Ивашикинъ значительнымъ шопомъ — я знаю, что дѣти ваши мнѣ не измѣнятъ, шѣмъ болѣе, что бѣда угрожаетъ равно всѣмъ намъ . . .

»Боже мой! что за бѣда?» — шоропливо спросила испугавшаяся Марія.

— За мною гонятся, отецъ Петръ!

»Кто и за что?»

— Отецъ Петръ! вы знаете эту руку? — спросилъ Ивашкинъ, вынувъ изъ запазухи донесеніе дьячка.

»Эта рука Степаныча!» — опшвѣчалъ Протопопъ, взглянувъ на рукопись.

— Прочитайте и вы все узнаете!

»Что за клевета! Что за злоба! — сказалъ Протопопъ, прочитавъ донесеніе и ошдавая его Мичману. — На, прочитай и ты, Викторъ Ивановичъ! Туть насъ всѣхъ очернили! Но я не вижу — примолвилъ Протопопъ, обратившись къ Ивашкину — чтобы ты былъ примѣшанъ туть?»

Ивашкинъ разсказалъ все описанное выше, начиная съ разговора съ дьячкомъ. Протопопъ, выслушавъ его, сказалъ съ величайшею горестію: »Ахъ, Аркадій Пепровичъ! скажу тебѣ, братъ, отъ сердца (Господь видить мою душу!): жалю я Виктора Ивановича, жалю Зуду, жалю себя; но вы всѣ туть правы и—Господь, защитникъ правыхъ, защи-

питъ васъ: я твердо увѣренъ въ томъ! О себѣ же не говорю ничего: *благо ми, яко смирилъ мя еси!* Но истинно, скажу тебѣ, истинно сожалѣю объ этомъ погибшемъ Шайдуровѣ: онъ губитъ навсегда свою душу.»

— Еще хорошо было бы, если бы онъ губилъ только одну свою душу — возразилъ Ивашкинъ, — а то вѣдь онъ и насъ губитъ вмѣстѣ съ собою; теперь и намъ надобно подумать, какъ спасись отъ гибели. Не напишете ли вы къ Преосвященному? На дняхъ отправляется въ Иркутскъ Купецъ Самашовъ: онъ бы, вѣрно, взялся отвезти отъ васъ грамотку

»Но какъ онъ можешь это сдѣлать — сказалъ Пропопопъ, — когда всякаго опшѣзжающаго строга обыскиваюшь?»

— Да ужъ коли Саламаповъ полько возьмешся: шакъ сдѣлаешъ! Это шакой человекъ, онецъ Пешръ, что на одной минутѣ десяшь разъ проведешъ насъ, грѣшныхъ... Чу! Случашъ!

Сильные удары въ дверь раздались въ комнашѣ.

Въ сіе время Марія, то вслушавшаяся въ продолжавшійся предъ нею разговоръ, то съ непрерывніемъ разглядывавшая бумагу, которую Мичманъ старался опшъ нея скрывать, уже готова была, по своеволю, собственному въ подобныхъ случаяхъ

всѣмъ женщинамъ, ее вырвавъ, какъ раздавшійся спукъ вдругъ остано- вилъ уже пропянушую руку.

»Дѣдушка! — вскричала она въ испугъ. — Спасайтесь, ради Бога, спасайтесь!«

— Не бойтесь: это за мною! — сказалъ Ивашкинъ съ величайшимъ хладнокровіемъ. — Тише! Иду! — при- молвилъ онъ, вспавая со спула.

»Проворнѣе пошевеливайся!« — раздался за дверью грубый голосъ.

— Сей часъ!

»Гнѣвъ я не пущу васъ! — вскричала Марія, ухватясь за его полу. — Скажите мнѣ прежде, что они хотятъ съ вами сдѣлать?« —

— Ничего, Марья Алексѣевна! Ни болѣе ни менѣе, какъ на первый разъ засадышь въ шюрьму . . .

«Въ шюрьму? Боже мой! Я не пуцую васъ! Викторъ! помоги мнѣ удержашь эшого несчастнаго!»

Пылкой Мичманъ, волнуемый не менѣе Марин самымъ живымъ участіемъ, также бросился, чшобы удержашь Ивашкина.

— Чшо вы эшо дѣлаете, дѣши мои милыя? — сказала Пропопонъ. — Я сполько же, какъ вы, прорунуть положеніемъ Аркадія Пепровича; но эшимъ не лъзя помочъ: на все еспь свой порядокъ. Власть, какова бы она ни

была, все власть, и пропавишься ей грѣшно

»Но они заморятъ его въ шюрмѣ, дѣдушка!»—вскричала Марія.

— Ну, Господь милосивъ!—опвѣчалъ Пропонопъ съ припворнымъ равнодушіемъ.—Онъ не дастъ въ обиду невиннаго, и ты знаешь, *что безъ его води и волосъ не спадетъ съ головы нашей*

»О Боже мой!—воскликнула Марія съ чувствованіемъ самой живой горести.—Такъ и бышь: подише! Но я сей же часъ побѣгу къ своей благодѣтельницѣ; паду ей въ ноги, и буду просить ее со слезами, чтобы она заступилась за васъ«

— Благодарю тебя, Ангель небесный!
— сказалъ Ивашкинъ, напрасно стара-
раясь скрыть потекшія изъ глазъ
его слезы. — Ты оживила въ груди
моей давно обмершее сердце—сердце,
которое давно уже не билось такъ
сладко, какъ шеперь, потому что
давно уже не встрѣчало существа,
которое приняло бы такое участіе
въ его оправданіяхъ! . . . О, какъ я давно
не плакалъ! Эти пусыныи еще не
вѣдали слезъ моихъ, а шеперь я
владу, какъ ребенокъ! На по-
ра! . . . Прощайте!

«Остановись, спарикъ!—вскричалъ
глубоко разпроганный Мичманъ, схва-
тившись за саблю.—Остановись! Дай
прежде поговорить мнѣ съ этими

негодьями! Клянусь Богомъ: я искрошу ихъ прежде всѣхъ въ куски, чѣмъ они допронунся до одного своего волоса!

— Мнѣ кажется, дѣши мой!—сказалъ Ивашкинъ, залившись слезами—(Простите меня, что я такъ называю васъ!) мнѣ кажется, вы хотите умирить меня вашимъ участіемъ Нынь, это ужъ слишкомъ для старика! Жизнь моя уже такихъ хлопотъ не спойтъ: она не долга! . . . Оспавьте меня моей судьбѣ, Викторъ Ивановичъ, и не подавайте злодѣямъ на себя вожъ: малѣйшее насиліе со стороны вашей будетъ для нихъ радостью. Припомъ еще не все поперяно: есть Богъ, есть ГОСУДАРЫНЯ, есть

законъ: рано или поздно, но правда
воспоржеспвуетъ! Пустите меня!

Слова сїи, произнесенныя съ видомъ возвышенной торжеспвенности, всегда сопровождающей великодушную рѣшительность, остановили и изумили пылкаго юношу. Равнымъ образомъ чувспвоаніе удивленія было написано и на лицахъ Прощопопа и Маріи. Всѣ они, молча, оставались въ одномъ и томъ же положеніи, пока крики безумной радости, изъясляемой сыщиками, удалясь мало по малу, не слились съ шумомъ бушевавшаго вѣпра.

»Дѣдушка, любезный дѣдушка! —

воскликнула Марія, выйдя наконецъ изъ состоянія изумленія. — ради Бога, скажите мнѣ: неужели и съ вами и съ Викпоромъ осмѣлялся сдѣлать чтоже?»

— Не лъзя ручаться, моя милал, за людей, копорые, не спрашась ни Бога, ни ГОСУДАРЫНИ, дѣйствуюшь только по своимъ видамъ. Мы теперь оклеветаны, и Богъ вѣсть, чѣмъ окончится это дѣло

»И неужели и васъ и Виктора, шакже могушь посадить въ шюрму?»

— Все можетъ спашься, дитя мое, но Господь можетъ опшрапитъ всякую бурю.

»О Господи!—воскликнула Марія, схлопнувъ руками—спаси насъ и защити!«

— Не надо опчаяваться, Марія!— сказалъ твердымъ голосомъ Мичманъ, ходившій между стѣмъ, съ глубокою думою на лицѣ, большими шагами по комнатѣ. — Неужели—прививилъ онъ, болѣе разсуждая самъ съ собою, неужели продолжая разговоръ— неужели изверги, мошенники и клеветники могутъ оснаваться безъ наказанія въ благоуспроенномъ Государствѣ? Нѣтъ, этого быть не можетъ! Я обнаружу, я раскрою всѣ ихъ крѣпни; я опишу всѣ ихъ мошенничества и злоупотребленія! Если до сихъ поръ всѣ доносы на нихъ оснавались безъ вниманія; то я на-

дѣюсь, что мое донесеніе будетъ, по крайней мѣрѣ, уважено. При Намѣстникѣ служилъ мой другъ, съ которымъ мы вмѣстѣ выросли, которому совершенно извѣсны мои чувствованія, мои правила

»Конечно, Викторъ Ивановичъ — прервалъ Прошопонъ — вы не худо сдѣлаете, если будете просить его за васъ заступиться: одного донесенія недоспаично. Много ихъ было послано опсюда, да всѣ получили одинъ конецъ: сюда же и пришлютъ, а путь ужъ бѣдный доносчикъ и мѣста не найдетъ, куда головы приклонить. Всѣ опъ него, словно опъ чумы, бѣгають, шакъ, что кварциры не дастъ никто»

— Ахъ! если бы все это знала ГОСУДАРЫНЯ! — воскликнулъ Мичманъ.

»Ужъ, конечно, какъ бы она все это знала наша машушка: то не то бы и было!«

— Она узнаетъ объ этомъ! — говорилъ Мичманъ съ жаромъ. — Непременно узнаетъ! . . .

»И я не осуждаю намѣренія пво-его, Викторъ Ивановичъ: ибо грѣхъ противишься власни, но нѣтъ грѣха увѣдомлять отца или мать о спраданіяхъ, причиняемымъ дѣтямъ ихъ наемниками!«

— Но не лучше ли прежде — сказала Марія — иди мнѣ и просишь мою

благодѣпнельницу, чпобы она защи-
пила насъ? Она, вѣрно, пронется
моею горесцію и слезами

»Дитя мое! — отвѣчалъ Пропопопъ —
пы судишь о другихъ по себѣ. Оль-
га Павловна, конечно, не откажется
принять въ насъ искренняго участія;
но если Начальникъ самъ хочетъ ус-
проить намъ гибель, по клеветѣ
Фельдшера: то путь ужъ ни чья
защита не дѣйствительна, и толь-
ко можно будетъ ожидать одного,
что онъ строже спанетъ обыски-
вать Саламатова, опасаясь со сню-
роны нашей доноса .«

— Такъ, покрайней мѣрѣ, позволъ-
ше мнѣ дѣдушка, пойми и просишь

за Аркадія Петровича, чтобъ и хотя сколько нибудь облегчили его участь.

»Это дѣло другое! Поди моя милая! и да поможешь шебѣ Господь въ нивонхъ добрыхъ намѣреніяхъ.»

Послѣ сего Промонъ, оставшииъ одинъ, взялъ бумагу и перо, и сѣвъ подлѣ стола, гошовъ уже былъ пишашь; но пономъ вдругъ оспановился, и подперши голову рукою, погрузился въ залумчивоспъ, продолжавшуюся нѣсколько минушъ.

»Нѣтъ, — сказалъ онъ; — шеперь дѣло иное! Тогда я описывалъ произходящее здѣсь зло, исполнялъ обязанность Христианина: защищалъ другихъ, а шеперь»

— Здравія и долгоденствія Вашему
Высокоблагословенію! — сказаль во-
шедшій въ сію минушу дьячекъ. —
Благословише Ошче!

»Богъ тебѣ благословиць, сынъ
заблудшій!»

— Спѣчь чего же заблудшій, ошецъ
Петръ? — ошвѣчалъ дьячекъ, ста-
раясь придаць разговору видъ шуш-
ки. — Я шель, кажется, къ вамъ по пря-
мому нуши. Сказали мнѣ, что у
васъ въ домѣ что-то неспокойно,
такъ я пошелъ поировѣдаць.

»Спасибо за усердіе, Спенанычъ;
но, чай, ны можешь понять, что я
сказаль не въ томъ смыслѣ. При-
знаюсь тебѣ, Спенанычъ, сколько я

не вижу и не слышу, а проку въ тебѣ не много. Мнѣ только говорить тебѣ не хочется: ты самъ знаешь дѣла свои!»

— Какія же дѣла, Отецъ Петръ? — спросилъ нѣсколько смутившійся дьячекъ. — Я никакихъ не знаю; напрошивъ я пришелъ еще просить васъ

»О чемъ изволишь?»

— Да вѣдь не безызвѣстно вамъ, святой Отецъ, что скоро наступитъ срокъ моему здѣсь пребыванію, а вѣдь почта еще будетъ отпра-вляться нескоро: такъ не лзя ли докончить изліяніе на меня вашихъ благодѣній, и соблаговолишь послать

на счетъ мой Преосвященному донесеніе съ отправляющимся на дняхъ въ Иркутскъ купцомъ Саламатовымъ?

»А что прикажешь написать мнѣ?»

— Да то — сказалъ дьячекъ, приглаживая косичку и облизываясь, какъ кошъ, — что милосердой и сердобольной душѣ вашей благоугодно будетъ. Я увѣренъ, что Ваше Высокоблагословеніе, по правиламъ вашей благочестивой и Христіанской нравственности, не погубите до конца....

»Ахъ, Степанычъ! хопя я, братъ, и человекъ грѣшный, но могу дать опвѣтъ и на страшномъ судѣ, что съ намѣреніемъ зла никому не сдѣ-

Часть II.

8

лалъ, а это ны потому такъ говоришь, что тебя совѣсть мучишь...»

— Помилуйте, Отецъ Петръ! — говорилъ дьячекъ, заикаясь опъ спыда. — Что за совѣсть? Кажется...

»Ну полно, брашъ — кажется! Эхъ, Степанычъ, Степанычъ! мало тебя, брашъ, съкъ опецъ, а взялъ бы тебя, да . . .»

— Вы ужъ, Отецъ Петръ, изволите обижать меня! — возразилъ вдругъ оперившійся дьячекъ, бивъ радъ случаю, чтобы дать другой оборотъ разговору. — Кажется я изъ ребяшъ давно вышелъ

»Знаю, брашъ, что давно вы-

шель, а все еще не худо было бы, говоря своимъ любимымъ языкомъ, какъ бы хорошенько тебя да *дубиноруль по спиноруль*. . . . «

— Помилуйте, Отецъ Петръ! Вы изволили запоминать, что я уже студентъ Богословіи . . .

»Нѣтъ, не забывъ, любезный! Да помню и то, что ты, кажешься, ужъ черезъ чуръ переучился . . . «

— Ну, это слишкомъ! Помилуйте, Отецъ Петръ! Бранишь меня, какъ хошибе; но что касается до моего ученія: то я прошу васъ не говорить о немъ: я этого *не стерплю, не снесу, не поущу!* . . .

»Да что же ты съблаещь со мной?
Прибьешь что ли?»

— Ныпъ, Опець Петръ! Но чело-
вѣкъ обладаетъ средствомъ, кото-
рое можетъ осшановить его непріа-
теля скорѣе, нежели всякая сила.
Когда неистовый Капилина дерзнулъ
придти въ Римской Сенатъ: по без-
смертный Цицеронъ однимъ могу-
щественнымъ словомъ поразилъ его:
Quousque tandem abutere, Catili-
na (Доколь ты, Капилина . . .)

»Но послушай, брагъ Степанычъ!
я не Капилина, а Протопопъ, а
ты не Цицеронъ, а дьлчекъ мой,
такъ я скажу шебѣ запросто: ко-
ли не хочешь слушашъ моихъ рѣ-

чей; по убирайся съ Богомъ домой,
и дѣлай, что хочешь»

— Пойду, Опець Петръ, пойду, и
выходя изъ вашего дома, опрашу
прахъ съ сапоговъ моихъ

»Ну, послунай, какъ умѣешь: въ
здѣшнемъ краю все позволено!»

Дьячекъ, выходя изъ комнаты,
хлопнулъ дверью. Пропопонтъ, смотря
вслѣдъ ему покачалъ головою и бо-
лѣе съ сожалѣнiемъ, нежели съ гнѣ-
вомъ, сказалъ: »Безпутный человекъ!
самъ не знаетъ, что дѣлаетъ! Но
что и мнѣ дѣлать въ самомъ дѣлѣ
въ разсужденiи его? Чернить его
передъ Преосвященнымъ? Это зна-
читъ погубить его! Хвалить? Значитъ

погубить шу пасиву, въ которой къ несчастію онъ сдѣлается Пастыремъ! Ахъ, какъ гибнуть люди отъ своей гордости и высокомыслія, презирая просшій и углаженный пупъ Вѣры и шѣнясь на скользкой и запушанной дорогѣ слѣпой мудрости! И эпомъ чловѣкъ, если бы пошелъ по указанію Евангелія, былъ бы, по крайней мѣрѣ, добрый и полезный, если не опличный, сынъ Церкви, а шеперь—жалосшь! . . . Но пусть же, если суждено гибнуть ему, такъ по крайней мѣрѣ гибнешъ не отъ моей руки.» Сказавъ сіе, Прошопопъ взялъ опять перо, и написалъ донесеніе, въ кошоромъ спарался вслчески смягчить поступки дьячка, доказывая, что онъ имѣетъ сердце отъ природы доброе; что въ умѣ его нѣтъ

рѣшительнаго убѣжденія прошивъ истинъ Вѣры; и чпо, наконецъ, онъ давно раскаялся въ своемъ легкомыслии, и далъ слово во всемъ непременно исправиться. Завертывая сію бумагу въ конвертъ, Протопопъ, произнесъ съ величайшимъ самоопроверженіемъ: »Да будетъ же ему эшо платою за то зло, которое онъ мнѣ причинить рѣшился, и если опъ се-го еще болѣе увеличится пригошояляемое мнѣ несчастіе: шо надобно помнишь, чпо еспъ мѣсто, гдѣ всякой получишь мзду по дѣломъ своимъ!»

XIV.

КОВАРСТВО.

Марія, придя къ Начальницѣ, нашла ее весьма больною, и принуждена была опложить просьбу свою до другаго времени; но состояніе больной, кошорой здоровье было чрезвычайно расстроено претерпѣнными

ею въ жизни различными огорченіями, ни сколько не облегчалось, а между тѣмъ положеніе Ивашкина раздирало чувствительное сердце доброй дѣвушки. И потому, посѣдивъ однимъ упрямъ Начальницу, неперпѣливая Марія рѣшилась сама просить ея мужа.

Въ сіе время, Анпопъ Григорьевичъ, какъ новой Людовикъ XI, по крайней мѣрѣ такой же злодѣй, хотя и въ миниатюрномъ видѣ, бесѣдовалъ со своимъ *Оливье*, п. е. циркульникомъ Шангинымъ о полипическихъ дѣлахъ своего воеводства. »Не могъ ускользнуть, мошенникъ! — сказалъ онъ съ дьявольскою улыбкою. — Но скажи мнѣ, Алексѣй, какъ ты

узналъ, что у него доносъ запечень въ хлѣбѣ?»

— Да ужъ узналъ, сударь! Усердіе чего не сдѣлаешь!

»По правдѣ скажешь: Алексѣй, ты сущій чортъ! Но расскажи скорѣе . . .«

— Да шупъ дѣло простое, сударь! Вѣдь вамъ извѣстно, что Саламашовъ ошпановился въ домѣ у Караулихи. . . .

»Ну! . . .«

— Такъ прочее должно бышь для васъ уже ясно.

»Спало бышь Караулиха тебѣ предана?»

— Да эпто, Ваше Высокоблагородіе, такая баба, что за нѣсколько грошей продаспъ самаго Хриспа, не хуже Іуды!

»Ты увѣренъ въ эпомѣ?»

— Да, кажешся, не дамъ маха; на своемъ вѣку шаки видывалъ людей, нечего сказать!

Начальникъ замолчалъ, и по нѣкоторомъ размышленіи спросилъ значительнымъ голосомъ:

»Вѣдь говорили, что у ней дѣшп умерли?»

— Да, умерли, но шупъ еще Богъ вѣспъ . . .

»Что такое?«

— Да говорятъ, Ваше Высокоблагородіе, двойко: чуть ли она не сама угомонила ихъ!

»И будто это сомнѣніе имѣетъ какоенибудь основаніе?«

— Да кажется! Она, вопрь извольте видѣть, говоритъ, что ея дѣшн будто бы упонули въ день вашихъ именинъ, а недавно мнѣ старуха Пахомовна сказывала, что въ этопъ день они и изъ избы не выходили. Пахомовна, изволише видѣть, съ нею сосѣдка.

»Хорошо, если такъ!«

Начальникъ, зашкнувъ руки з по-
ясъ шлафрока, и закусивъ губы, съ
видомъ самой спрашной думы на-
чалъ ходишь по комнапъ, и вдругъ
пономъ, усшремивъ дикой 'взоръ на
Фельдшера, онъ котораго почти
невольнo зашрешпалъ сей послед-
нй, сказалъ ему почти шововномъ:
«Алексй! эту женщину намъ надобно
прибрапъ къ рукамъ. Обыщи немед-
ленно ея избу, и если ошкропсея
слѣды убійства, то предложй ей на
выборъ: или бышь наказаной же-
спокамъ образомъ, или . . . » Но
онъ не могъ договоришь рѣчи,
и опять началъ ходишь по ком-
напъ. Спрашныя внутреннйя гол-
ненйя изображались на его лицъ блѣд-
номъ и ужасномъ. Губы его были
сиви, и глаза на выкатъ. Казалось,

онъ сражался съ самимъ собою, и въ продолженіе сей борьбы опять взоры его встрѣтились съ роковымъ изображеніемъ, висѣвшимъ на стѣнѣ. Онъ вздрогнулъ, и спрашно прошепталъ про себя: »Иуда! я помню твой обольстительный взоръ, твои сладкія рѣчи! Хорошо! Я теперь исполню твои наставленія«

— Антонъ Григорьевичъ! — возгласилъ испугавшійся суевѣрный Фельдшеръ — Антонъ Григорьевичъ! съ кѣмъ это вы изволише говорить?

»Ахъ, Алексѣй! — отвѣчалъ опомнившійся Начальникъ — я почти забылъ, что ты здѣсь. У меня давнишняя привычка говорить съ самимъ собою Запри-ка двери, да садись ко мнѣ ближе. Я хочу по-

говоришь съ побою о важномъ дѣлѣ.»

Фельдшеръ сначала было ошговаривался отъ сей учпивости; но Начальникъ сказалъ ему спрого: »Садись! Теперь не время заниматьсѣ вздоромъ. Слушай!«

— Слушаю, Ваше Высокоблагородіе!

»Такъ ты непременно долженъ сдѣлать самой спрогой розыскъ о дѣтяхъ эшой женщины, но не пуская въ огласку того, что, бытъ можетъ, откроешь, предложи ей: если она не хочетъ днуша, то исполнила бы, что ей будешъ приказано. Понимаешь ли?»

— Понимаю, Ваше Высокоблагородіе!

— ошвѣчалъ Фельдшеръ, хотя еще не

могъ вовсе ничего повѣдать изъ всего имъ слышаннаго. — Но что же вы изволише ей приказашь?

«Ты, Алексѣй!—сказалъ Начальникъ, ешараясь вдругъ принявъ на себя шумливый видъ, и улыбаясь самою принужденною улыбкою—кажется, въ самомъ дѣлѣ забралъ къ себѣ въ голову, что у меня не вѣсть что есть на умѣ, а между тѣмъ я хочу приказашь тебѣ суше пустыки: скажи пожалуйста этой Караулицѣ, что-бы она попросила Мичмана Вѣдь онъ, ты говоришь, покровительствуетъ ей?»

— Точно такъ, Ване Высокоблагородіе!

»Такъ, чтобы она попросила — продолжалъ Начальникъ — похлопашъ за нее у жены. Вишь мнѣ хочешся, чтобы около меня была благонадежная женщина, а вѣдь, я думаю — прибавилъ онъ со смѣхомъ, изображавшимъ вдругъ все адскія чувствованія: злобную насмѣшку, опчаяніе, дикую радость — я думаю, лучше Караулихи найпи трудно? ... По крайней мѣрѣ, такъ должно полагать по давнишней швоей рекомендаціи ...»

— Это правда, Ваше Высокоблагородіе! — отвѣчалъ Фельдшеръ, начиная въ половину догадываться о намѣреніи Начальника. — Но я не знаю — при молвилъ онъ съ видомъ величайшей проспошы — къ чему бы могла бышь

годна эта женщина? Можно **найти**
гораздо лучше . . .

»Глупецъ!—вскричалъ Начальникъ,
скочивъ со стула — исполняй то,
что тебѣ приказываютъ.»

—Слушаю, Ваше Высокоблагородіе!

»Болѣе ни слова! Вы всѣ привыкли
пропировѣчить мнѣ, между тѣмъ,
какъ никто изъ васъ не думаетъ ни
о чемъ! Вы живете въ счастіи, въ
довольствѣ, въ изобиліи; вы всѣмъ
пользуетесь, а я? Посмотрите на
меня: я мученикъ за васъ! Съ меня
потребуютъ отвѣта въ вашихъ мер-
зостяхъ. Я Начальникъ вашъ; всякая
ваша шалость, всякое злоупотребле-
ніе, на меня падаетъ. Доносы за до-

восами, и бедническому конца не вижу! Я просиживаю ночи, описываюсь; но злодѣи уже начинаютъ меня перемогать. Я слышалъ уже, что въ Иркутскѣ назначенъ сюда ревизоръ, и кто бы, ты думалъ, эшопъ ревизоръ? Старый любовникъ моей жены, кошораго она любила безъ памяти, за кошораго была уже просвамана, и у кошораго я, такъ сказашъ, вырвалъ ее изъ рукъ, оболъстивъ спараго дурака, ея ошца? Теперь ты видишь: чего и кого долженъ я опасаться болѣе всего. Не клянусь адомъ, я забочусь только о вашей безопасности! Ну, понялъ ли ты меня, глупецъ?»

— Кажется!

Никакое перо, никакая кисть не изобразила бы пѣхъ ужасныхъ шѣней, какими было подернуто лицо вѣроломнаго убійцы, который желалъ, чтобы его поняли, и чтобы между пѣмъ не сказать ничего слишкомъ яснаго. Услышавъ отвѣтъ Фельдшера, онъ захохоталъ шакъ, какъ бы смѣхъ его былъ только эхомъ адскаго хохота. »Ха, ха, ха! Ему кажется!—говорилъ онъ, передразнивая Фельдшера.—Ему только кажется, когда я кладу ему въ ротъ, что моей женѣ нужна хорошая женщина, которая бы при ней прислуживала, и могла бы подавать ей лѣкарства . . . Понимаешь ли ты? Подавать лѣкарства! А что можешь это сдѣлать лучше, какъ не Караулиха, копорал, въ случаѣ нужды, и

сама можешъ составить ихъ не хуже всякаго Анпекарля?»

— Это правда, Ваше Высокоблагородіе!

»Ну, такъ вопль видишь ты, Алексѣй! — сказалъ Антонъ Григорьевичъ, вдругъ измѣнивъ такъ голосъ, какъ будто рѣчь пошла уже о дѣлѣ еяномъ обыкновенномъ. — Мнѣ бы хотѣлось такъ уладить, чтобы когда жена поѣдетъ вѣною на воды: по бы и Караулиха съ нею туда же поѣхала Ну, да ты еще съ ними. . . . да еще»

Сказавъ сѣе, Начальникъ вдругъ остановился, и, закусивъ палецъ, пошаривъ значительцо, обратился къ

окошку, и вдругъ вскричалъ въ какомъ-то дикомъ восторгѣ: »Славная мысль! Счастливая мысль! Справедливо сказано: десять разъ примѣрь, а одинъ опрѣжь! Не много, такъ и дашь маха!«

— А смѣю ли спросить? Что еще надумали вы, Ваше Высокоблагородіе?

»Ну это, можете быть вы узнаете послѣ, а теперь ступай исполни, что я тебѣ приказывалъ, да помни, что я забочусь не о себѣ, а о васъ, и что отъ точнаго исполненія моихъ приказаній зависитъ ваша честь и благосостояніе, и особенно твое: ты чай еще не забылъ, что во время оно твоя спина была подвержена маленькимъ непріятностямъ,

что, благодаря только моей заботливости, свой список спалъ опять чистъ, какъ совѣсть дѣвушки? А?»

— Какъ забыть, Ваше Высокоблагородіе!

»То-то же помни! Да, я думаю, также извѣстно тебѣ, что моя жена не можетъ тебя терпѣть»

— Есть пошль грѣхъ, Ваше Высокоблагородіе!

»Ну, къ этому мнѣ оспается прибавить еще одно, что она всегда возитъ съ собою бумажникъ хорошихъ билетовъ, который она бережетъ на одинъ самый невѣроятный

случай, и которъй въ награду за хорошую службу доспанешся . . . ты, я думаю, догадываешься ужъ кому?»

— Разумѣю, Ваше Высокоблагородіе! Много доволенъ Вашею милостію! Будемъ стараться!

»Ну, хорошо, поди же, да вели позовати ко мнѣ своего пріятеля Мичмана, которъй такъ опререкомендовалъ шебя Начальству, а эпо глупое донесеніе Протопопа сейчасъ же вели опправити назадъ къ Саламапову: намъ и самимъ ничего не лзя было лучше его придумати! Ну, кажется, я сказалъ все! Прощай!»

Едва Фельдшеръ отворилъ дверь изъ кабинета, какъ Марія, давно ожидавшая его выхода, немедленно взошла шуда.

»А, Машинька! — сказалъ Начальникъ съ видомъ сластолюбиваго удовольствія, заблещавшаго въ его глазахъ. — Что ты скажешь?»

— Я пришла васъ просить . . .

»О чемъ бы это? О чемъ? Я для тебя все готовъ сдѣлать«

— Хорошо, если вы пакъ милосивы.

»Въ чемъ же сомнѣвались шуть, моя милая? Садись-ка вопъ сюда на канапе, подлѣ меня, да и расскажи,

Чистъ II.

9

чего ты хочешь, а мы послушаемъ . . .
Дай только прежде зашворить
двери: я не люблю, чтобы мешали
мнѣ, когда я съ кѣмънибудь зани-
маюсь Ну, садись же! . . Тфу ка-
кая церемонная!—примолвилъ Началь-
никъ, сядя Марію силою.—Вѣдь, ка-
жется, ты при моихъ глазахъ вы-
росла?»

—Извольте сяду, если это угодно
вамъ; но сдѣлайте милость: выслу-
шайте мою просьбу!

«Говори, моя кралячка, говори!»—
отвѣчалъ Начальникъ, придвигиваясь
къ ней, и смотря на нее самыми
преспувными глазами.

—Просьба моя — сказала Марія, вспавая съ канапе

»Да что же ты опять вспала?« — прервалъ сласполюбець, схвативъ ее за руку.

—Ахъ, позволъше мнѣ вспашь! — говорила Марія, вырывая руку и покрывшись румянцемъ. — Я, право, не могу говорить

»Ребенокъ! ты, словно, боишься меня, чтобы я тебя не укусилъ«

—Нѣшъ; но позволъше.

»А не пушу!« — говорилъ дерзкой мошенникъ, еще болѣе приближаясь къ Маріи, съ самою низкою улыбкою.

—Боже мой! пустише меня

»Ну, поцѣлуй же меня, шакъ пу-
шту!«

—Господи! что это значить? Вы,
котораго я привыкла почищать

Олицемъ? — прервалъ сластолю-
бець.—Ну, на все естъ время! Теперь
ты выросла, спала споль хороша,
пригожа, шакъ что я люблю тебя
безъ памяти

»Это вы говорите мнѣ?« — вскрича-
ла Марія съ ужасомъ, вскакывая съ
канапе.

—Я! Я! — повшорилъ грѣшникъ, вый-
дя изъ себя, и схвативъ Марію въ

свои объятія. — Обними же меня,
или . . .

—Что вы дѣлаете? Боже мой! . . .
Пустите меня, или я закричу!

»Такъ кричи же: если хочешь умирить жену!«

— О Господи! — воскликнула Марія, закрывая лице руками, между тѣмъ, какъ безсовѣстный злодѣй силился опияшь ихъ, и напечатлѣлъ на ея губахъ святопапашственный поцѣлуй.

Въ сіе мгновение послышался въ ближней комнатѣ шумъ шаговъ.

— Идешь твой женихъ! — вскричалъ

шопотомъ Начальникъ, съ видомъ величайшаго ужаса; опустивъ Марію изъ рукъ.—Заклинаю тебя Богомъ, спаси меня! Онъ меня убѣдитъ, если застанешь меня здѣсь взаперти съ тобою!

Марія, освободившись изъ его рукъ, и не слыша, опъ сильнаго волненія, словъ его, бросилась къ дверямъ и хотѣла отворить ихъ; но онъ схватилъ ее.

»Не ходи, заклинаю тебя всѣмъ, что есть святаго: не ходи!«

— Пустите меня!

»Не лъзя, клянусь Всемогущимъ, не лъзя! Тебѣ еще неизвѣстно, что зна-

ч ишь ревность! Онъ убьетъ меня,
непременно убьетъ!»

— Я не понимаю васъ!

«Я знаю, что не понимаешь; но
я не имѣю времени теперь тебѣ
объяснить причины моей просьбы.
Спрячься, хопь въ эту кладовую;
спрячься, умоляю тебя, если не хо-
чешь принять крови моей на свою
душу!»

Въ еи минуты кто-то взялся за
дверный замокъ. Начальникъ произ-
несъ шолжко: «погибъ!» и съ видомъ
ужаса и мольбы сдѣлалъ Маріи знакъ
руками идти въ казенку, о которой
уже мы говорили выше. Марія, не
понимая сама, что дѣлаетъ, но пови-

пуясь единственно влеченію своего чувствительнаго, добраго сердца, вошла туда, а Начальникъ заперъ за нею дверь замкомъ, и мгновенно сбросивъ съ себя прищворный страхъ и шрекнувъ головою съ мошенническою миною, сказалъ про себя: »А проклятая упрямица! попалась въ западню. Теперь будемъ ловить другаго пестерева!« Послѣ сего, также съ непостижимымъ искусствомъ, принявъ на себя еще новую физиономію, смиренную и печальную, онъ отворилъ дверь Мичману.

»Пожалуйте, Викторъ Ивановичъ! — говорилъ Хамелеонъ сему послѣднему. — Я призвалъ васъ — продолжалъ онъ, садясь на канапе, и по-

казывая также мѣсто Мичману—чтобы раздѣлишь съ вами мое горе»

»Благодарю васъ за довѣренность — сухо отвѣчалъ Мичманъ. — Едва ли я буду способенъ доставить вамъ утѣшеніе.»

— А напрашивъ — возразилъ Начальникъ, не перемѣняя роли — вы одни только и можете это сдѣлать.

»Если такъ: то я очень радъ служить вамъ; но въ чемъ, смѣю спросить, заключается ваше несчастье?»

— Выслушайте меня! . . . Не давно пріѣхалъ сюда одинъ молодой человекъ

При семь словъ Мичманъ взглянулъ на Начальника съ видомъ изумленія, и увеличилъ вниманіе.

»Этотъ человекъ — продолжалъ Начальникъ — съ самаго перваго взгляда понравился мнѣ такъ, что я полюбилъ его какъ роднаго сына... Да, Викторъ Ивановичъ! какъ роднаго сына: ибо онъ возобновилъ въ моей памяти ту невозвратную пошерию, какою угодно было Провидѣнію меня наказати, и которой я вспомнить не могу безъ слезъ . . . «

Говоря сіе, Начальникъ дѣйствительно показалъ видъ величайшей горести, и горько заплакалъ. Слезами его Мичманъ былъ приведенъ въ совершенное недоумѣніе, не могши

разгадаешь: было ли это одно припворство или истинное чувствованіе, и по довърчивости своей, свойственной всемъ добрымъ людямъ, склонялся болѣе къ послѣднему заключенію. Между нѣмъ комедія продолжалась.

«Ахъ, Викторъ Ивановичъ! — говорилъ Начальникъ, упирая слезы — вы не знаете моей горести; но теперь рассказывать объ этомъ не время. Въ эту минуту у меня есть на сердцѣ ближайшая скорбь Такъ я уже сказалъ вамъ, что я полюбилъ эпаго молодого человѣка, о которомъ началъ говорить, какъ родного сына Онъ и стоитъ того! Онъ уменъ, благороденъ, прямодушенъ»

— Но кто же это таковъ? — спросилъ нетерпѣливо Мичманъ. — Мнѣ кажется, я никого не вижу въ Петропавловскѣ прѣзжаго

»Дослушайте меня, и вы все узнаете. Я принялъ его въ своемъ домѣ, старался оказать ему всякую учтивость, всякое одолженіе. Скажите же теперь: чѣмъ слѣдовало бы ему заплатить мнѣ, если не за одолженіе, во крайней мѣрѣ за гостепрѣимство?»

— Безъ сомнѣнія, благодарностію! — отвѣчалъ нѣсколько смущившійся Мичманъ, начиная догадываться о комъ шло дѣло.

»Такъ судите же сами себя!» — сказалъ Начальникъ, принявъ шор-

жественный видъ, и подавая Мичману его бумагу.

— Следовашельно, вы знаете уже все! — съ швердоспїю отвѣчалъ Мичманъ, вешавъ на ноги. — Я не запираюсь опгъ васъ: точно это писалъ я, но вы виноваты сами! Голось народа и собственная моя опасность меня вынудили!

»Голось народа, говорите вы! — воскликнулъ Начальникъ. — Ха, ха, ха! Голось народа! ш. е. толпа лѣбдниковъ, копорые смопряшъ на всякаго Начальника, какъ на своего врага; копорые стараются чернить всъ его поступки, и копорые не были бы довольны ни даже Ангеломъ, если

Былъ онъ сошелъ управлять Камчаткою!»

— Но развѣ не правда, что вы приняли доносъ на меня, и послали уже производить слѣдствіе?

»Правда! — отвѣчалъ Начальникъ съ важностію. — Но развѣ я могъ уничтожить его? Я знаю, что онъ есть не что иное, какъ клевета, но шѣмъ не менѣе, я долженъ былъ повѣрить его, даже хотя и для того только, чтобы спроче наказать лбѣдника:«

— Но позволите же васъ спросить: кѣно вамъ далъ право перехватывать бумаги?

»Молодой человек! ты судишь обо мнѣ по нѣмъ ложнымъ полкамъ, какими спараются занять всякаго прѣзжаго сюда мои враги — мои личные враги и враги всякаго порядка и устройсва; но не по нимъ должно судить меня. Узнай же, что за зло, какое причиняюшъ мнѣ люди, я всегда готовъ плащину имъ добромъ. Я давно хотѣлъ тебя предупредить: тебя обманываютъ?»

— Кто и какъ?

»Одна моя искренняя привязанность къ тебѣ — да, не удивляйся этому! — одна моя, можешь быть, безразсудная привязанность къ тебѣ, Викпоръ Ивановичъ, заславляешь меня сказать тебѣ такія

«вещи, о которыхъ другому говорить я никогда бы не рѣшился»

— Сдѣлайте милость, пощадите мое нешерпѣніе!

«Вы хотите соединить вашу судьбу съ влучкой Протопопа; но узнали ли вы прежде ее хорошенько? И когда было узнать ее вамъ?»

— Я люблю ее, люблю пламенно, и этого для меня довольно! — описывая Мичманъ съ жаромъ и съ примѣшнымъ неудовольствіемъ.

«Это доказательство, конечно, самое лучшее для юнаго сердца — сказалъ Начальникъ съ ироническою

улыбкою; — по увѣрены ли вы въ томъ,
что и она также васъ любитъ?»

— Если Ангелы могутъ обманыва-
вать

»Ангелы! — прервалъ Начальникъ,
горько улыбувшись. — Не ищите
ихъ на землѣ: она исполнена одними
Духами злобы!»

— Что же вы хотите сказать
мнѣ?

»То, что заставляете сказать те-
бѣ, молодой, доврчивый человекъ,
твоя честь, твое счастье, благо дѣ-
лой твоей жизни, и наконецъ, твои
высокой законъ, который повелѣ-
ваетъ дѣлать добро врагамъ»

— Боже мой! что все это значитъ?

»Узнай же истину, для тебя неприятную, но благословляй Бога, что ты узнаешь ее еще благовременно»

Послѣдующія слова были произнесены шопотомъ.

— Какъ! — вскричала Мичманъ — что за клевета на существо, которое не сдѣлало вамъ ни малѣйшаго зла?

Въ продолженіе сего разговора, Марія хотя нѣсколько разъ голова была прервана рѣчь Начальника; но спрашась сдѣлать убійцею своего Виктора, не знала сама: на что ей рѣшиться. Колеблясь въ семь недоу-

мѣнѣн, она запрепестала, услышавъ слова, произнесенныя имъ. Холодный потъ выступилъ на лицѣ ея. Присѣвъ на споящій въ кладовой сундукъ, она ослабѣла отъ горести и отчаянiя, и, съ величайшимъ внутреннимъ оправданiемъ, произнесла едва слышнымъ голосомъ: »Царь Небесный! онъ меня губить!« Эпюпъ легкой шопотъ, незамѣченный Мичманомъ, не скрылся однако жъ отъ внимательнаго злодѣя, и опасаясь, дабы Марiя какимъ нибудь смѣлымъ поступкомъ не разрушила вдругъ его козни, онъ поспѣшилъ окончить разговоръ.

»Вы не вѣрите? Такъ знайте же, что эта дѣвушка величайшая лицемерка, что она, питая какую-то странную страсть . . . (Признаюсь,

мнѣ спыдно и говорить объ этомъ)....
спрасть ко мнѣ»

— Къ вамъ? Вы издѣваетесь надо
мною, какъ надъ ребенкомъ

»Выслушай и поступиай какъ хо-
чешь! Спрасть ко мнѣ, повторяю
вамъ — и я долженъ былъ призы-
вать на помощь все благоразуміе,
чтобы укрощать ея порывы, искус-
но прикрываемые видомъ припвор-
ной невинности и простосердечія»

— Не говорите болѣе! Клянусь Бо-
гомъ, вы будете раскаяваться

»Выслушай, несчастный! Сегодня
она принесла ко мнѣ эпощъ до-
нось, копорый успѣла украсить у

Караулихи, и услышавъ, что ты идешь, скрылась вѣтъ сюда Смотри самъ, и не довѣрай своимъ глазамъ, если можешь!»

Говоря сіе, онъ отперъ дверь въ кладовую.

«Не вѣрь ему! — воскликнула Марія, падая безъ чувствъ въ дверяхъ. — Не вѣрь ему, Викшоръ!»

— Измѣнница! — вскричалъ Мичманъ внѣ себя отъ бѣшенства, выхвативъ саблю.

Что ты дѣлаешь? — сказалъ Начальникъ, схвативъ его за руку.

— Пустите меня!

«Она спасла тебѣ жизнь, а ты...»

— Жизнь! Но что мнѣ въ жизни теперь — воскликнулъ Мичманъ съ величайшимъ ошчаяніемъ, — когда однимъ разомъ она опняла у меня все?

«Но не смотря на то, вы обязаны ей, и сверхъ того я не позволю вамъ . . .»

— Хорошо! Я оспавляю ей жизнь: она достойна эпои муки

«Викторъ! Викторъ!» — произнесла Марія умирающимъ голосомъ; но Мичманъ, не слушая ее, бросилъ са-

блю и вышелъ поспѣшно изъ комна-
ты.

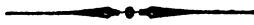
Слова снова замерли на устахъ не-
счастной спрадалицы, и глубокой
обморокъ объялъ ея чувства. Началь-
никъ, призвавъ людей, велѣлъ подать
ей помощь, и когда ее вынесли отъ
него, и когда онъ заперъ за нею
дверь: то служители слышали, что
въ комнатѣ его раздавался дикой, дя-
вольской хохотъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стр.</i>
VIII. Цыганка	3
IX. Начальникъ	26
X. Обѣдъ	68
XI. Урокъ въ Исторіи	84
XII. Камчадалское угощеніе	107
XIII. Великодушіе	138
XIV. Коварство	176

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

<i>Стр.</i>	<i>Стро.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай.</i>
18	— 3	сверху нихъ	нее
64	— 11	— кому бы то бы	кому бы то
69	— 4	— безрыбье	безрыбьѣ
78	— 6	— злодѣемъ	злодѣямъ
85	— 5	снизу прѣспыженный	Приспыженный
87	— 6	сверху всеобщую	Всеобщую
97	— 11	— aqua	aquat
146	— 6	— никакая	ни какая
147	— 4	— входить	всходишь
184	— 7	— къ себѣ	себѣ

Сверхъ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣ-
сто: этого, напечатано: эаго.

